

***Сергель Борис Иосифович.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

***Сергель Борис Иосифович, 83 года, активист «Региональной
организации «Союз бывших малолетних узников фашистских
концлагерей», учитель истории.***

Моему внуку Ромочке.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ МАЛЬЧИК

Мне мама в детстве говорила: Ты из народа как и мы, Смирняй гордыню, служи народу, И Бог тебя благословит.

Война тяжёлым катком прошла по моему детству. Учиться в годы этого страшного лихолетья мне почти не пришлось. Поэтому по окончании войны в 1945 г. я, пятнадцатилетний подросток, имел за плечами всего четыре класса

начальной школы. После войны меня забрала в свою семью моя старшая сестра в город Дзауджикау, столицу Северной Осетии, ныне Владикавказ.

Её участием и трудами родственников мужа, работников народного образования, мне удалось наверстать два учебных года, из четырёх потерянных в войну. В 1946 году я окончил семилетнюю школу без единой тройки и продолжил образование в средней школе.

Меня окружали достойные, высокообразованные люди, которые оставили в моём сознании и характере добрый след.

Учился я всегда хорошо, даже претендовал на медаль в десятом классе. Как и все мои послевоенные сверстники много читал, был завсегдатаем Русского драматического театра, а вот слушать оперу со сцены мне не довелось.

Однажды сестра взяла меня в гости в дом друзей, людей просвещённых и высококультурных. За столом речь зашла об опере. Я знал своё место, помалкивал и слушал. Кто-то из гостей стал рассказывать об опере «Князь Игорь», которую ему довелось слушать в Москве, в Большом театре. Он красочно описывал декорации и появление живого коня на сцене в соответствующем акте. И тут меня прорвало: я стал неуместно восхищаться столь невероятной постановкой с живым конём. На лицах присутствующих я заметил сдержанные улыбки и замолк. Признаюсь откровенно, конь произвёл на меня не меньшее впечатление, нежели вся опера на уважаемого гостя, посетившего Большой театр.

Я вышел в соседнюю комнату и, сидя в одиночестве, думал всё о том же коне. Рядом находилась веранда. Я услышал голоса двух мужчин, вышедших, вероятно, покурить. Один из них произнёс:

- А парень то коней любит!

Другой голос примирительно:

- Не суди строго... провинциальный мальчик. Речь шла обо мне.

Не скрою, меня это задело. Мысли о коне меня покинули. Я стал размышлять о себе. В конце концов, я согласился с мнением, высказанным в мой адрес: а почему бы и нет? Ведь я действительно родился на окраине Империи, в Москве и оперном театре никогда не бывал.

Моя малая Родина - город у Чёрного моря, именем России наречённый. Моя родня без высшего образования, все восточные славяне: украинцы, белорусы, поляки, мы с сестрой - русские. Все они были простыми, тружениками, служили России, были свидетелями и участниками переломных моментов своей Родины. Мой дед, Кирилл Беспалов и бабка Прасковья, родились в крепостном состоянии. Старший брат моей мамы Афанасий Кириллович Беспалов, был по профессии котельщиком, строил в Новороссийске хлебный элеватор, который и поныне машиной из красного кирпича нависает над железнодорожным вокзалом. Дядя был призван во флот, служил на Балтике в звании машиниста I статьи на эскадренном броненосце «Бородино» и погиб на нём в Цусимском бою 27 мая 1905 года.

Наша мама, Беспалова Елизавета Кирилловна, была в семье младшей дочерью, разница в годах по сравнению со старшим братом составляла 14 лет. Наш отец, Сергелъ Иосиф Иванович, был значительно старше мамы. Отец и мои дяди по отцу и матери к началу Великой Отечественной Войны находились далеко за пределами призывного возраста. Я был у мамы поздним ребёнком, поэтому мои племянники были даже старше меня.

Рос я на природе. Вдоль всей нашей улицы по косоугру простирался луг, на котором паслись гуси, куры, коровы и лошади. С раннего детства я примыкал к старшим подросткам нашей улицы, они таскали меня с собой на окружающие город склоны гор, купаться в море с корабельных пристаней, или Западного мола! Должен сказать, что они были вовсе не примерного поведения и не примерных намерений в своём поведении. Но самые старшие из них на завершающем этапе Великой Отечественной Войны приняли в ней участие и не все возвратились с полей сражений, поэтому я сохраняю светлую память о каждом из них.

В школе я учился хорошо, каждый день обучения в школе был для меня праздником. И в этом была огромная заслуга моей мамы. Она на генном уровне

внедрила в моё сознание мысль о том, что ученье - свет, а неученье - тьма. Я по-детски буквально ощущал, как с каждым уроком свет пронзает моё существо.

В мае 1941 года я окончил четвёртый класс начальной школы с похвальной грамотой, на которой в овалах были портреты Ленина и Сталина. Накануне мне исполнилось одиннадцать лет.

22 июня 1941 года начало Великой Отечественной Войны. Она ворвалась внезапно, сурово, беспощадно. Всю нашу оставшуюся жизнь поделила на две части - «до войны» и «после войны». Это были страшные дни.

Утром 22 июня мама послала меня за хлебом в магазин. Накануне войны, как это ни странно, в городах Кубани ощущался постоянный недостаток в хлебе. Обязательно стояли очереди, часто очень большие.

Мы с приятелем стояли в очереди в магазин, который находился на главной улице, улице Советов. Когда мы уже готовы были войти в магазин, чтобы купить свой килограмм хлеба, на соседнем перекрёстке заговорили чёрные раструбы радио, вокруг стала собираться толпа горожан. О чём вещало радио никто из очередных расслышать не мог: слишком далеко находились громкоговорители. Оставить заветную очередь никто не решался: уйдёшь - обратно не пустят. Только тогда, когда в наших руках оказалось по килограмму хлеба, мы с приятелем бросились к толпе. Здесь мы впервые услышали слова о грянувшей войне. Лица, слушавших сообщение Молотова о внезапном нападении на Советский союз подлого врага, фашистской Германии, были суровы и озабочены. Народ явно был ошеломлён известием. Всё случилось вопреки песне, которую мы распевали все годы накануне этого дня:

«Если завтра война,

Если завтра в поход,

Будь сегодня к походу готов!»

Горько, но ни сегодня, ни завтра мы не оказались готовыми к походу.

Орудийные залпы раздались в нашем городе день спустя после объявления войны. Воздушная разведка боем последовала во вторую ночь. Нас оглушили сухие залпы зениток, мы впервые увидели метание лучей прожекторов в чёрном ночном небе. Порт Новороссийска представлял стратегический объект в планах Вермахта по овладению Кавказским побережьем, и осуществлять его немцы приступили с первых дней войны.

С этой ночи дневные и ночные полёты авиации с бомбардировками или постановкой морских мин следовали непрерывно вплоть до чёрного дня оккупации города немецко-фашистами в сентябре 1942 г.

Было очень страшно: разрушение, пожары, смерть горожан, гибель военных - стали повседневными в нашей жизни. Новороссийск был главным городом, который непосредственно осуществлял морским путём помощь осаждённой Одессе, Севастополю и Керчи, а с падением Севастополя превратился в главную базу Черноморского военного флота.

Учиться в пятом классе мне пришлось всего несколько месяцев, так как школы города постепенно передавались военным под госпитали и казармы. Зима 1941-1942 была исключительно холодная, снег на улицах лежал длительное время, мы днями гоняли на коньках по тротуарам и дорогам города, армейские кухни не отказывали в котелке борща, либо каши, мы были подлинными детьми улиц.

Предприятия города все работали на фронт. Наш отец в составе военизированной организации обустроивал объекты военно-морской базы и укреплений НОР - Новороссийского оборонительного района. Зимой в горах, на подходах к городу, возводил систему долговременных укреплений.

В августе 1942 года по новороссийскому оборонительному району был опубликован приказ. Насколько я сейчас понимаю, он был скопирован с известного московского приказа от 19 октября 1941 года.

Новороссийский приказ утверждал, что город ни при каких обстоятельствах не будет сдан противнику, что паникёры, презренные трусы, мародёры и бандиты,

распространители ложных слухов о возможной сдаче Новороссийска подлежат расстрелу на месте без суда и следствия.

Возражений по поводу статей приказа среди населения не последовало.

Мы, пацаны, хорошо знали содержание приказа. И когда на нашей улице старшие сверстники задержали какую-то бродяжку, пытавшуюся из соседнего дома унести сворованные вещи, немедленно послали за милицией.

Пришёл вооружённый милиционер. Ему наперебой стали рассказывать о содеянном преступлении и требовать, чтобы он, милиционер, представитель власти, немедленно привёл в исполнение опубликованный накануне приказ.

Виновная сидела на земле потерянная и безразличная к своей судьбе. Милиционер был уже совсем пожилым и явно добрым человеком. Наган из кобуры он вытащил, но застрелить молодую женщину он не решался. Пацаны негодовали, подстёгивали стажа порядка свершить немедленно казнь. Но ему явно не хотелось приводить в исполнение жестокий приговор, он колебался. Наконец решение им было найдено. С наганом в руке он приказал обвиняемой подняться с земли, дулом указал направление и повёл бродяжку подальше от нас.

В конце августа 1942 стала слышной артиллерийская канонада. Шли бои под станциями Абинской и Крымской.

Наш отец теперь работал на возведении оборонительных укреплений на ближайших подступах к городу, в районе Волчьих ворот, узкого прохода между горами, открывавшего кратчайший путь к Новороссийскому порту через Цемесскую долину. Укрепления возводились по заданию военных. С мандатом ГКО отец имел право воспользоваться любыми строительными материалами, находящимися на складах города, разобрать любое здание для строительства деревоземляных или бетонных укреплений.

А дальше все прошло так, как мы и не могли предполагать: вечером, шестого сентября домой пришёл расстроенный отец, он показал нам свою трудовую книжку с последней записью: «Уволен в связи с приближением фронта».

С утра седьмого сентября 1942 года у стен моей 21 школы, находившейся неподалёку от нашей улицы, шёл бой, его вели моряки. Впоследствии мы нашли надпись на каменной плите: «Русские матросы погибнут, но не сдадутся». Свой долг они выполнили до конца.

Вечером седьмого сентября по нашей улице проскрежетал немецкий танк. Плотнo прижимаясь к стенам и заборам домов, шли немецкие автоматчики, рукава мундиров закатаны по локоть, чисто палачи.

К чести моих земляков, они встретили врага вступившего на нашу улицу безмолвием/они не выдали немцам еврейскую семью и семью коммуниста, сражавшегося на фронте.

Враг, опьянённый первыми боевыми успехами в нашем городе, торжествовал. Солдаты мылись, брились, втирали в свои лица невиданные нам пахучие мази, окропляли себя одеколoнами, обильно ели и пили. В камерах новороссийского портового холодильника остались сотни туш говядины, свинины, баранины. Гурманы предпочитали коров, свиней, птицу, которые изымали у горожан.

Вино рекой текло из подвалов. Мысхако и Абрау-Дюрсо. Первый концлагерь в нашем городе немцы устроили в классах и коридорах моей 21 школы. К вечеру восьмого сентября немецкие солдаты команды «Нахтигаль» стали ходить по окрестным дворам и собирать мужчин, потенциально способных оказать противнику сопротивление. Мой дядя и муж тётки, проживавшие рядом с нами, успели спрятаться. А вот нашего отца они застали врасплох. Во двор неторопясь вошёл немец, с карабином, он вплотную подошёл к отцу и сказал: «Ком, ком!»

Мы все замерли, замер отец, внезапно он повернулся к немцу спиной, рванул на себя калитку в наш небольшой садик и побежал к забору соседнего дома. Ужас обуял нас - мать, сестру, меня... Вы догадывайтесь, что должен был сделать этот немец...

Отец перемахнул через соседний забор, взобрался на крышу сарая, с неё на крышу дома соседей и скрылся в чердачном проёме.

Как же на всё это среагировал злополучный немец? Он не пошевелился, не проронил ни слова, развернулся и вышел с нашего двора. Были бы два солдата: нашему отцу несдобровать.

К десятому сентября город был оккупирован немцами. Даже в очередной сводке Совинформбюро было сообщено о сдаче Новороссийска. Однако овладеть всем городом немцам в течение годичного стояния так и не удалось. Он повторил судьбу Сталинграда. Немцы остановились у восточной окраины города, Цемзавод «Пролетарий» они захватили, но остановились перед стенами цемзавода «Октябрь» и его рабочим посёлком. Так в упорных боях они простояли до 15 октября 1943 года.

В честь разгрома оккупантов под Новороссийском после войны на центральной площади города был сооружён памятник, на цоколе которого бронзовыми буквами написали «освободителям города», но через некоторое время надпись изменили - «защитникам города». Новороссийск - порт, Новороссийск - ключ в Закавказье.

Именно от Новороссийска начинается стратегическое шоссе, которое и поныне носит название Сухумское. Ни один немецкий корабль, ни одна лодка не вошли в Новороссийский порт, так как господствующие высоты остались в наших руках, и наша артиллерия береговой обороны простреливала всю акваторию Цемесской бухты.

Расклеенные по всему городу немецкие плакаты вещали о том, что отныне в Новороссийске будет установлен Новый порядок, и все горожане должны ему безоговорочно подчиняться. Реально его осуществлять немцы начали с уничтожения евреев и коммунистов. Евреям предписали собраться в помещении, где располагался городской Госбанк. Требовалось иметь при себе драгоценности, ценный антиквариат, картины мастеров - художников, старинные музыкальные инструменты. Объясняли всё это тем, что городской военный комендант опасается за жизни евреев во фронтовом городе, а посему их всех эвакуируют в тыл, подальше от фронта. Возможности использования для эвакуации транспорта ограничены, поэтому примите наши извинения - забирайте с собой самое необходимое. Это была демагогия, подлинный обман. Все ценности были изъяты

в пользу Рейха, а евреи, которые явились по приказу, были расстреляны во рву, в пригороде Гайдук. Коммунистов в городе не оказалось, но были их семьи. Если удавалось их выловить, несчастные разделяли судьбу евреев.

Новый порядок не предусматривал заботу о населении оккупированного города - отсутствовали элементарные социальные службы, медицинская помощь... Только карательные приказы: за нахождение в запретной зоне - расстрел, за покушение на жизнь немецкого солдата - расстрел ста жителей, за связь с партизанами - расстрел, за попытку самовольно покинуть город - расстрел. Голод и холод стали постоянным уделом горожан.

Мои пожилые родственники были недавними выходцами из крестьянских семей, в их характерах на генетическом уровне была заложена боязнь голода, они пережили голод 20-х годов, голод 33-го года. И в ожидании повторения подобных ситуаций привыкли полагаться на себя: не терять связь с землёй и иметь при себе какую ни наесть скотину — коров, коз, свиней, кур. Когда наши войска покидали город, были подожжены многие предприятия, дома, склады. В числе последних оказалась городская мельница, которую в городе именовали мельница Осландии. Да, это именно та мельница, которую помянул Михаил Шолохов в «Тихом Доне», когда описывал бегство белых из Новороссийска в 1920 году.

Вы видели как горит пшеничное зерно? Конечно, не видели. А горит оно особому. Оно не способно гореть пламенем, оно тлеет и не на поверхности, а в глубине зернового бурта. Вот это зерно, горячее, дымящееся, мы засыпали в мешки и несли для питания своей живности. В дальнейшем оказалось, что это наполовину сгоревшее зерно, станет источником питания не нашей живности, а для нас самих! И вот почему. Немцы нагло и со смехом грабили население. В один из дней к нам во двор пришли солдаты и стали из пистолетов стрелять кур. Мама вышла и стала на русском языке убеждать грабителей, что это неприлично, что это греховно. Тогда один из них подошёл вплотную к маме и на немецком языке, помахивая дулом пистолета перед её лицом, стал убеждать в обратном. Сестра подскочила к маме, схватила за руки и стала умолять не перечить. Солдаты сунули пистолеты за голенища сапог, собрали валявшихся кур и зажав их ноги в своих ладонях, в четыре руки, покинули наш двор. А через некоторое

время пожаловали другие, бросили в кузов вездехода дико кричавшего поросёнка и убрались восвояси.

У тётки Луши, старшей сестры мамы, свели со двора корову. Тётя плакала, в отчаянии проклинала врагов на всю улицу. Она кричала им в след чтобы всех немцев постигла гибель на нашей земле, чтобы на их могилах грабителей танцевали их враги. Немцы похохатывали и не пристрелили тётю только потому, что не понимали смысла проклятий из-за незнания русского языка. Проклятья тётки сбылись.

Вот после этого всё оставшееся у нас поголовье коров, поросят, кур было пущено под нож, а горелая пшеница была использована в качестве хлеба насущного в оставшиеся дни оккупации.

У большинства горожан запасы пищи стремительно заканчивались, и безжалостная рука голода все больше вторгалась в судьбы несчастных людей. Оставалось одно - идти в сельскую местность менять вещи на продукты. Вот и потянулась цепь женщин, подростков в ближайшие к городу кубанские станицы. Но для этого надо было получить пропуск в военной комендатуре.

Положение горожан было поистине драматическим. Ведь по восточной окраине города по-прежнему проходила линия фронта. Город подвергался обстрелу нашей же артиллерией, нашими же «катюшами», по ночам в небе города висели ночные бомбардировщики, а артиллерия, и авиация били по площадям. Гибли ни в чём не повинные мирные люди. Погиб от разрыва снаряда мой племянник Володя Степаненко. Погибла от разрыва бомбы ночного бомбардировщика вся семья наших соседей армян Аракеловых...

Должен отметить, что после Сталинградской битвы немец пошёл уже не тот, летний; 1942 года. В начале февраля 1943 года был высажен десант на юго-восточной окраине Новороссийска, на легендарной Малой Земле. Тогда мы были уверены в скором освобождении города. Немцам удалось удержаться. Бои там шли тяжёлые и не только для нас, но и для немцев. В один из дней февраля мне довелось наблюдать потрёпанную в боях часть немцев, отводимых с Малой Земли. Какая уж у нас зима на юге! А они шли толпой по улице Энгельса, к улице Свободы. На ногах у них были толстые сапоги из соломы, на голове и плечах

многих одеяла, оружие небрежно висело на поникших шеях, некоторые опирались на винтовки. Невольно мы вспоминали французов 1812 года.

Жители оккупированного города были лишены информации: ни радио, ни газет, ни журналов. Периодически нам в руки попадали листовки, распространяемые партизанами - «Прочти и передай дальше». Обычно их к нам приносила тётя Луша. Мы закрывались на ключ и читали скупые строки небольших листовок. О Сталинграде мы узнали накануне 1943 года. Скажу честно, в какой-то степени сомневались.

На нашей улице в двухэтажном доме располагалась немецкая столовая для солдат, временно отводимых на передых с передовой. Наш народ окрестил её названием «Казино». На прилежащих улицах в домах граждан на постое находились солдаты вермахта. Обычно они проводили в «Казино» всё свободное время. Где-то в начале января 1943 года жили у нас два пожилых солдата, занимая лучшую комнату нашей квартиры. Обычно такие солдаты предпочитали с нами не общаться, а эти двое вечерами усаживались в нашей комнате, показывали фотографии своих родных, пытались найти с нами общий язык. Между нами возникла атмосфера доверия. И вот тогда мои родители решили задать мучивший их вопрос: «А как там дела в Сталинграде?». Я сейчас считаю, что из всех слов они уловили одно - Сталинград.

Мы не могли точно предположить, что последует за постановкой такого вопроса. Представьте, немцы оживились и в унисон стали повторять: «Я, я Шталинград, Шталинград...», показывая жестами, что события в Сталинграде имеют место.

Дальше они стали говорить нам вовсе необычное: «Война - шайзе. Гитлер - шайзе, Сталин - шайзе, военный мундир (дёргали себя за лакцаны) аух шайзе.

Потом один из них жестами продемонстрировал, как можно предотвратить войну. Он показал, как берёт за шиворот Гитлера, затем Сталина и сталкивает их лбами. Мы смеялись. Но став уже взрослым, я оценил эти откровения двух немецких солдат, как рискованный поступок - ведь они ничего не знали о нас. А нам было достаточно зайти в соседний дом и рассказать унтер-офицеру Вили о

настроениях солдат его подразделения. С такими командование Вермахта не церемонилось.

Да, Сталинградская битва отдалась шоком в умах немецких солдат, они стали думать. Неподаляку от нашей улицы и поныне стоит здание, в котором до Великой Отечественной войны располагался педтехникум (педучилище). К зиме 1942-43 года здание было обнесено колючей проволокой и заселено немецкими солдатами. Это были штрафники. Ходили они в мундирах без ремней, под усиленной охраной своих соотечественников.

После Сталинградской битвы немцы отступили к Ростову и оставили Краснодар, семнадцатая армия Вермахта оказалась отрезанной на Таманском полуострове за так называемой Голубой линией. Правда в тылу у немцев был Керченский пролив, через который они снабжались из Крыма. Однако этой помощи им явно не хватало, во всяком случае продуктов питания для солдат и фуража для конного поголовья. Вот в это время грабёж мирного населения возрос в разы. В определённый день приказов военного коменданта населению города под угрозой расстрела предписывалось сдать армейскому командованию крупный и мелкий рогатый скот. Хозяева плакали, но угроза смерти по приказу была неотвратимой, немцы неукоснительно добивались выполнения своих приказов. Люди погнали свою скотину на Привоз. По дворам зашастали шайки солдат-мародёров.

Таковые постоянно угрожали нашей округе, именно солдаты-штрафники в первую очередь лишались армейского довольствия. Периодически группа штрафников под конвоем охраны покидала концлагерь, парами они несли круглые плетёные из ивовых прутьев в корзины. Эта компания заходила во дворы и отбирала подчистую у населения всё, что можно было съесть. Тут уж было не до жиру – быть бы живу. Но вы можете представить, что это означало для людей, и так живших впроголодь.

Вот мы и рассовали по чердакам, сараям, подвалам всё, чем мы ещё располагали. Самой изобретательной оказалась моя дорогая тётя Луша, она со своим мужем поляком Осипом Фабиановичем, засыпала остатки горелой пшеницы

с мельницы Осландии в десятилитровые стеклянные баллоны, закрыла пробками, просмолила гудроном и на верёвках опустила в дерьмо выгребного туалета.

Весной 1943 года жители нашего города старательно возделывали клочки земли в своих дворах, даже самый маленький урожай мог помочь преодолеть голод, уносивший жизни горожан. Потом зацвели сады, появилась обильная завязь яблок, абрикосов, персиков, слив.

Стояла прекрасная весенняя солнечная погода, в окрестностях грохотали взрывы бомб и снарядов. Немцы напрягали последние усилия сбросить в море десант с Малой Земли. Пикирующие Ю-52, «лапотники», бывало сотнями совершали налёты на позиции малоземельцев. С высадкой морского десанта мы с нетерпением ожидали освобождения нашего города. Порой мы даже слышали автоматные и пулемётные очереди наступивших десантников. Но, наблюдая беспощадные налёты немецкой авиации, всё более теряли веру в скорейшее освобождение.

Война у стен Новороссийска не была игрой в одни ворота. Немцы, как и наши, несли огромные потери. Первоначально они хоронили своих солдат рядом с местом боя. Потом тела были эксгумированы и перезахоронены на едином кладбище в центре города - парке культуры и отдыха; «Ленинском саду». А когда вся территория была занята могилами, фашисты стали хоронить солдат у городского Привоза, на территории дореволюционного пивзавода «Бавария». Могилы копали изловленные по дворам пожилые мужчины города. Я однажды наблюдал процесс захоронения. Никаких воинских почестей не было, как и не было гробов. Каждый покойник имел на шее смертный медальон с личным номером. Медальон надламывался. Половина его со шнурком уходила в могилу, другая - служила материальным свидетельством захоронения. На плане кладбища могила помечалась личным номером покойника. Могилы на обоих кладбищах располагались стройными рядами, на каждой сосновый крест и каска.

А летом 1943 года немцы стали насильственно угонять из города его жителей. Выселяли улицами. Вооружённые отряды полицаев и солдат сгоняли очередную партию к зданию гестапо, откуда пешком до ближайшего к городу железнодорожного полустанка Гайдук, железной дорогой до станции Тоннельная

и военными грузовиками до Анапы. Каждый раз я невольно вспоминаю первые строки довоенного учебника немецкого языка для пятого класса: «Wir fahren nach Анапа»

После освобождения города шестнадцатого сентября 1943 года советскими войсками митинга по этому поводу не проводилось: городских жителей за исключением бабки в городе не оказалось.

Когда я за пределами Краснодарского края рассказывал или писал в автобиографии об этом факте, мне буквально не верили - как, весь город? Для чего немцам в середине 1943 года было связываться с тысячами горожан? Не может быть!

Только в конце 60-х годов в сборнике документов «Стратегия фашистской Германии в войне против СССР» я ознакомился с приказом Вермахта «Об отходе с Кубанского плацдарма и оборот Крыма» под кодовым названием «Маневр Кримгильда». Приказ подписал лично Гитлер.

Вот краткие положения этого приказа: «Чтобы высвободить соединения для решения других задач, я решил сдать Кубанский плацдарм и отвести Семнадцатую армию через Керченский пролив в Крым.

1. Проведение отхода.

б) Все военные и хозяйственные запасы, оружие и имущество должны быть планомерно эвакуированы.

в) Все гражданские лица должны быть перенаправлены в Крым.

г) Всё прочее сельскохозяйственное имущество, как повозки, тара всех видов, а также скот и прочее перевезти в Крым.

2. Проведение разрушений при отходе.

а) Все сооружения, жилые здания, дороги, постройки плотины и прочее, что противник может использовать в своих интересах, должно быть разрушено на длительное время.

б) Порт Новороссийск следует так разрушить и заминировать, чтобы русский флот длительное время не мог пользоваться им»

В Анапе нас поселили за проволоку среди полуразрушенных зданий бывших анапских здравниц. Почти каждый день сюда прибывали новые партии новороссийцев.

В один из дней мы увидели как морем со стороны Керчи к Анапе шли немецкий сухогруз и два больших болиндера (самоходные баржи). Появились советские самолеты. На наших глазах сухогруз был затоплен, двум болиндерам удалось уйти под защиту немецких береговых зенитных батарей.

Вот в эти болиндеры немедленно стали грузить находившихся в концлагере моих земляков. Внутри уже стояли грузовики, военное оборудование, а на палубах поместили новороссийцев - женщин, детей, стариков. На барже оказалась моя тётя Лукерья Кирилловна с мужем, дядя Иван Кириллович с женой, наша семья, наши соседи.

Со страхом вступали мы на борт этих барж, мы видели судьбу сухогруза, что будет с нами?

Но этой паре барж без потерь удалось добраться до Керчи. В Керчи нас погрузили в товарные вагоны и привезли в огромный палаточный концлагерь «Джанкой», здесь оказалось множество жителей кубанских станиц, угнанных в Крым через Тамань и Темрюк.

Когда немцы выгружали нас из вагонов, рядом возник измождённый, в истерзанной красноармейской форме молодой мужчина. Настороженно озираясь, он рассказал, что является военнопленным, что в плен он попал после сдачи Севастополя. Он признался, что бежал из лагеря, предполагает, что его преследуют, мои родственники сказали: «Мы укроем тебя, снимай форму!» Собрали вещи, кто штаны, кто рубаху, переодели и предложили считаться нашим родственником. Для парня, несмотря на то, что он попадал в гражданский концлагерь, появился шанс спастись от преследования.

Спустя пару дней нас стали сортировать. Происходило это так. Нас всех построили в шеренги и колонной повели к центральному плацу концлагеря, где

стояла группа немецких офицеров. Их возглавлял большой военный чин, в руках он держал стек. Колонна двигалась на встречу вершителя наших судеб, стеклом он указывал шеренгам к какой из групп, стоящих на плацу мы обязаны были присоединиться: группа Германия, группа Украина, группа Крым. Нам об этом не говорили, мы узнали позже. Наши родственники оказались в разных группах, но мы незаметно для охраны соединились в одной группе - это была группа Крым.

Нас опять посадили в товарные вагоны, и через несколько дней привезли в Севастополь. Город был до основания разрушен, но белые стены домов из инкерманского камня стояли, издалека окна домов не просматривались, казалось, на склонах бухты стояли целые дома. Но подъехав ближе, мы увидели, что сохранились белые коробки домов с чёрными глазницами окон.

Стали подходить военные грузовики. Наш вагон через Инкерман и Микензены горы привезли в посёлок виноградарского совхоза имени Софьи Перовской, который немцы окрестили «Алькадаром». Строения посёлка примыкали к горе, на которой стояла легендарная 30-я батарея береговой обороны Севастополя.

На самой вершине горы находились только огромные башни со спаренными артиллерийскими стволами большого калибра. Всё остальное находилось глубоко под землёй. Башни при отступлении наших войск были взорваны, а спускаться через наружные люки, мы, пацаны, опасались.

Батарея сыграла огромную роль в 255-дневной обороне Севастополя, она отстреливалась по наступающим фашистам до последнего снаряда. Трагической оказалась судьба гарнизона.

Нас обязали работать в хозяйстве имения «Алькадар»; поставлявшего теперь продукцию сельского хозяйства немецкой армии.

Худо-бедно, порой впроголодь, прожили мы здесь до весны 1944 года. И покатила немецкая армия от перекопа и Керчи к Севастополю. Наш посёлок находился с северной стороны Севастополя, перед Учкучевкой. Вот мимо нас сплошным потоком двигалась нескончаемая змея военной техники, автомашин,

телег, потрёпанных армейских частей. Все они спешили поскорее попасть в Севастополь.

Некоторые конные повозки разгружались перед нашим посёлком, в долине реки Бельбек. Распряжённые лошади были отпущены на волю, они щипали свежую зелень лугов, пили воду из рукавов впадавшего неподалёку в море Бельбека. Лошади жили безбедно.

Муж тёти Луши Осип Фабианович, по профессии извозчик, не мог не интересоваться этими лошадьми, он часто опускался в долину Бельбека и наблюдал там этот табун. Однажды утром дядя Осип возвратился оттуда чрезвычайно взволнованным. Он поведал, что несколько часов назад немцы перестреляли всех лошадей, телеги свезли в одну кучу и подожгли.

Всё время мы жили впроголодь, на растительной пище. Дядя Осип скомандовал: «Берём ножи, топор, идём разделывать свежатину» Мой отец, наши соседи кинулись к месту отстрела армейских лошадей. Мы застали удручающую картину: на зелёной траве, под ярким солнцем лежали сотни трупов коней и догорающие повозки.

Запах жаренного лошадиного мяса пошёл по всему посёлку.

Откатываясь к Севастополю в апреле 1944 года немцы остановились у Жёлтого пупа, далее к Микензеным горам и Инкерману; опять, как это было в Новороссийске, мы оказались во фронтовой полосе на территории, удерживаемой противником. Опять рядом с нами рвались наши снаряды и авиабомбы. А спустя некоторое время через наш посёлок немцы погнали русское население долины Бельбек. Татар немцы не трогали.

Нас, кубанцев, охватило мрачное предчувствие. В один из ясных солнечных дней второй половины апреля в посёлок нагрянул отряд «СС». Всех жителей согнали к винзаводу и объявили, что мы немедленно должны собрать вещи и покинуть посёлок. Вновь мы бросали своё имущество, домашний скраб, в том числе бочонок конской солонины, на которой мы возлагали большие надежды. Мимо Учкуевки, через Бартеньевку нас гнали в Константиновскую крепость. Да, это именно та крепость с глубокими чёрными бойницами, которая с Северной

стороны запирает Севастопольскую бухту. Крепость была полуразрушена, она пострадала от бомбёжек и немецкой артиллерии в период обороны Севастополя в 1941-1942 годах.

Скоро в крепость погнали население Корабельной, Угольной, Бартоломеевской - в общем всей Северной стороны Севастополя. Здесь я встретил среди вновь пригнанных жителей своих приятелей, мальчиков, которые с Бартоломеевской ходили зарабатывать себе на хлеб насущный в «Алькадар». Это были настоящие севастопольские пацаны, Гавроши героической обороны Севастополя, патриоты своей Родины. Они рассказывали, как население города помогало флоту и армии стоять насмерть, как их семьи укрывались от снарядов и бомб противника, как в невероятно трудных условиях народ слагал песни, частушки:

- Мы Севастополь не сдадим,

Столицу краснофлотцев...

- Немцы Жёлтый пуп заняли,

Крыши города видать.

А как с Пупа удирали,

Так и пулей не догнать.

С ними я пел песню «Всюду я Вселенную проехал...». С ними я пел «В Цусимском проливе далёком...»

Здесь, в Константиновской крепости я встретил Жору, Гирию, Степу Филимонова и других моих приятелей.

Жора был на год младше меня, в их семье были ещё младшие сестра и брат, поэтому ему приходилось подрабатывать на виноградниках «Алькадара», где мы и познакомились. В крепости оказалась вся их семья - дед, бабка, мать, отец... Гири были коренными севастопольцами, вели свой род от защитников Севастополя в Крымскую войну.

Дед и отец Жоры были металлистами, в период 255-дневной обороны Севастополя в Великой Отечественной Войне до последнего дня работали на фронт в подземных заводах.

Немцы кормили нас впроголодь, бдительно охраняли все входы и выходы. Мы испытывали постоянную жажду, воды не доставало, её привозили в крепость в деревянных винных бочках, у которых по прибытии возникала постоянная свалка.

Вскоре нам стало ясно, для чего оккупанты согнали в крепость тысячи мирных жителей Северной стороны Севастополя.

Сначала немцы отобрали и угнали из крепости наиболее дееспособных мужчин. В один из дней мы увидели выходящий в море немецкий транспорт. По правому борту стояли мужчины, размахивающие пиджаками, рубашками, головными уборами. По казематам крепости раздались крики: «Наших увозят!» Все, кто был способен передвигаться, бросились на стены и к амбразурам крепости.

Мы делали всё то, что делали угоняемые мужчины, отцы, братья, сыновья. Мы что-то кричали, голосили женщины. Жуткое душераздирающее зрелище!

А потом настал наш черёд. К стенке крепостной пристани подходили катера, забирали всех подряд и увозили к причалам, где грузились немецкие и румынские корабли.

Дядя Ваня и тётя Луша оказались на борту немецкого сухогруза. Нас немцы отправили в Камышовую бухту. Опять, как в Анапе, мы оказались на самоходной барже, гружёной немецкой техникой. Удивительно, но на барже не оказалось немецких солдат, с нами соседствовало всё семейство Гирь, от мала до велика. Зачем?.. Мы нужны были удиравшим немцам в качестве живого щита, на случай преследования нашим флотом или авиацией.

Наступал вечер, темнело. Два болиндера по обе стороны причала продолжали стоять. Наша артиллерия вела огонь. Снаряды ложились буквально у пристани. Только тогда болиндеры отдали концы, но продолжали барражировать вдоль берега: очевидно кого-то ожидали. Это был вечер 7 мая 1944 года.

Утром мы увидели безбрежное море, при ясном небе Болиндер шёл в одиночку, без какого то ни было сопровождения. Немецкому командованию, очевидно, казалось, что так будет легче ускользнуть из осаждённого теперь уже нашими войсками Севастополя.

В море мы находились около двух суток. Но вот появились незнакомые берега, и мы причалили в большом порту. Это была румынская Констанца. В городской концлагерь нас гнали по булыжной мостовой через весь город. На тротуарах стояли румыны и безмолвно взирали на нас, в их взглядах мы не улавливали ни симпатии, ни сочувствия. Надо сказать, что враждебных выкриков в наш адрес мы тоже не слышали. И на том спасибо, господа румыны.

Своих родственников в концлагере Констанцы мы не встретили, что стало с ними, мы узнали только после войны.

Порт Констанца запомнился мне кирпичным зданием зернового элеватора, точной копии нашего новороссийского, даже на сердце стало теплее.

Все годы наших странствий мы жили в состоянии голода, и вот в констанцком концлагере мне довелось познакомиться с мальчиком, который был то ли молдаванином, то ли знал молдавский язык, который, как известно, очень близок к румынскому. К этому времени он детально ознакомился с месторасположением концлагеря. И возможностью уйти из него, миновав посты наблюдения. В потаённом месте он приметил малозаметную дыру в колючей проволоке. Вот ею он и предложил совместно воспользоваться. План был таков - через дыру мы покидаем нашу тюрьму, идём на улицы города, побираемся как придётся, и с хлебом насущным обратным путём возвращаемся в лагерь. Просить у прохожих он предложил деньги, по его мнению, это было проще и понятнее для подающих. Он научил меня элементарной фразе на румынском языке: «Нэнэ, дацм лей», что по русски означало: «Дядя, дай денег (лей)». Почему-то он не сказал мне, как по румынски «тетя». Поэтому я в дальнейшем обращался только к мужчинам.

Насколько мне ныне понятно, мы вышли на одну из центральных улиц города. Констанца была совершенно целым городом, без каких бы то ни было примет войны. Шикарные витрины магазинов, музыка, пролетки, запряженные

парой лошадей, а в пролетках – элегантные дамы в сопровождении офицеров при аксельбантах и в фуражках с огромными полями.

Вот такой предстала нам, изможденным войной, страшной разрухой и голодом подросткам из лежавшего тогда в руинах Севастополя.

Побирались мы порознь, мой приятель более успешно. Деньги были нам нужны не сами по себе, тем более, не для развлечений: мы зашли в булочную и купили хлеб. У меня хватило денег не две круглых буханки прекрасного белого хлеба, который мне не приходилось есть все годы оккупации. Хлеб продавался без карточек.

С такой бесценной добычей мы вновь возвратились в концлагерь ко всеобщему удивлению наших родителей.

Вскоре нас опять погрузили в товарные вагоны. В этом же вагоне оказалось всё семейство моего приятеля Жоры Гири.

Состав двигался медленно. Кормили нас впроголодь, мыс Жорой на стоянках состава бегали побираться, нам подавали кто хлеб, кто картошку. Одну женщину я запомнил и благодарен ей более чем другим добрым людям, оказавших мне помощь. Этот случай имел место в Карпатах. Эшелон остановился на небольшой станции, паровоз отцепили, и я решился сбегать к ближайшим домикам у елового леса. Когда я подошел к крайнему деревянному с крышей из дранки, то в дали увидел светлый каменный дом с колоннами и мезонином. Описания таких домов мне запомнились по рассказам Тургенева. Очевидно, это был старинный помещичий дом.

Но то, что я увидел в деревянном доме, в котором я оказался, своей бедностью и убожеством существования поразил меня на всю жизнь: большая закопченная дымом комната, вдоль стен - широкие лавки, грубый стол, подслеповатые окошки и посередине – огромная русская печь. Со света я не мог рассмотреть хозяев. И вдруг, в каком-то рубище из домотканой ткани появилась женщина среднего возраста. Откуда-то взялись двое детей трех-четырёх лет. В таком же рубище, босые. К моему удивлению, она заговорила на понятном мне русском языке, русских былин. Она спросила меня: «Кто ты есть, красный

молодец?» Я ответил, что я русский, нас угоняют в Германию, «А что ты желаешь от нас?» Я в замешательстве сказал, что прошу хлеба. Я чувствовал её расположение ко мне. Но она мне ответила, что хлеба у них нет. Дети, ухватившись за её платье и прижавшись к её ногам, неотрывно следили за мной. Она мне опять былинным языком сказала, что хлеба нет, а картошки она мне даст. Женщина удалилась, где-то пошарила и подошла ко мне с тремя картофелинами в ладонях. Картофель я взял, поблагодарил, а уходя, спросил: «А кто Вы такие?» Она произнесла: «Мы русины».

Я поныне без слёз не могу вспоминать эту встречу с благородной женщиной, наших славянских корней.

Эшелон медленно вполз на равнинную часть Венгрии. Всюду ухоженность, красота. В люки товарных вагонов мы увидели вдали большое озеро, это был Балатон. По берегу прекрасные дома, пристани, парусные и моторные яхты, и мы в вагонах голодные и вшивые. Нас везут в неизвестность, не информируя и не спрашивая нашего согласия. Дорогой из уст местного населения мы узнавали об успехах Красной Армии, о стратегическом повороте в Великой Отечественной войне. И въезжая в «благодатную» Европу, мы ещё осознавали себя поработченными, но наших поработителей мы уже не считали победителями.

Наконец мы добрались до Австрии. Состав остановился в живописном месте. Забегала охрана, и последовал приказ «Всем русским выгружаться!» Играла бравурная музыка, ярко светило солнце. Узнали, что это место носит название Маутхаузен. Вот она какая Европа! Правда, колючую проволоку поблизости мы ещё рассмотреть не успели, и смущали какие-то высокие закопчённые трубы, из которых валил дым. Вполне естественно, мы тогда не знали о лагерях типа Освенцим.

Но вот она и колючая проволока, длинные бараки. Те, в которых нас поместили, находились отдельно от других, и стоящих поодаль каменных зданий с дымящимися чёрными трубами.

Пока всё шло без намёка на трагедию. Лагерная команда загнала нас в особый барак, он оказался санитарным. Всех раздели донага, сняли волосы, скомандовали: «В баню!». Потом через другую дверь выпустили в третье

помещение, где мы долгое время сидели голыми. Обслуга частями приносила нашу одежду, она дымилась и была горяча. Каждый в этих ворохах должен был отыскать свою одежду и обувь.

Тут же всех заключённых фотографировали с номерами на груди и выдавали личную карточку с этой фотографией.

Прошло несколько дней, и началось изъятие больных, инвалидов, стариков. Без объяснений. Но к этому времени мы уже узнали назначение лагеря как лагеря смерти. Теперь нам стало ясно, что значит чёрный дым из высоких труб и каменные строения, примыкающие к ним.

Невозможно описать отчаяние и горе разлучаемых родственников - матерей, отцов их дочерей, внуков. Сколько было пролито слёз! Это называлось «санацией», избавлением от неполноценной рабочей силы. В Маутхаузене было замучено и сожжено печах крематория 123 тысячи узников.

Маутхаузен имело всей Австрии около 20 филиалов, нас определили в группу «Флоридсдорф», располагавшуюся на окраинах Вены. Это были трудовые лагеря для Ostarbeiter, восточных рабочих.

Опять нас грузят в вагоны. Везут в какой-то большой город. Вот она Вена. Мои знания о столице Австрии ограничивались фильмом «Большой вальс», только и не более.

Поместили нас в здания промышленного типа, какие-то цеха с фонарями на крыше из зелёного стекла. Зелёными стали наши лица, наши руки, всё светлое, что было на нас. Оказалось, что это заведение называется «арбайтзам».

«Арбайтзам» в Вене выполнял роль рабовладельческого рынка. Сюда приходили венские дамы, долго прохаживались, приглядывались. Отбирали себе девушек, молодых женщин, очевидиц в прислуги.

Здесь я расстался со своим приятелем Жорой Гир.

Большую группу наших людей и нас вместе с ними погрузили в автофургоны и выгрузили в лагерь нашего назначения.

Этот концлагерь был только-только построен, бетонные бараки ещё не все были заселены, их ещё не успели полностью обнести колючей проволокой. Называли его «Лагерь АФА», а полное его название «Jemeinschaftlager der Accumulatoren Fabrik AG Wien»

Лагерь находился подле большой городской свалки, из которой мы выудили для себя очень нужные для нас предметы - старые кастрюли чайники, табуретки, тряпьё и прочее. Спали мы в отделах бараков, которые назывались штубами.

В первый же день нашего пребывания охрана лагеря построила нас на главном плацу. Перед нами выступил сам лагерьфюрер, он изложил правила поведения в лагере, которые мы должны были неукоснительно выполнять, лагерьфюрер говорил, переводчица дублировала на русском языке. Правила предусматривали:

- Русские рабочие обязаны носить нашивки на правой стороне груди верхней одежды или робах с надписью «OST».

- Русским рабочим запрещено общаться с лицами немецкой национальности, в особенности иного пола. Половые отношения категорически запрещены под угрозой смерти.

- К малейшему проявлению непослушания будут относиться жёстко, и при сопротивлении будет применяться оружие.

- Рабочие обязаны выполнять приказы охраны, а когда находятся в лагере, то лагерного персонала.

В случаях серьёзных нарушений дисциплины рабочие будут находиться в тюрьме, вплоть до особого распоряжения.

Утром нас гоняли на завод, вечером - обратно. Завод должен был выпускать большие аккумуляторы для подводных лодок. Завод ещё не был полностью запущен, но уже действовал, литейный цех, производивший аккумуляторные решётки.

Буквально через неделю-другую завод впервые был разгромлен во время налёта англо-американской авиации.

А суть дела мне удалось восстановить после войны по документам и книгам. Англичане и американцы несли большие потери от подводных лодок немецкого военно-морского флота. Наши союзники не только охотились за немецкими подводными лодками в море, но и наносили удары по верфям и заводам, поставлявшим комплектующие детали этим верфям. Удары союзной авиацией наносился прежде всего в Германии.

В 1944 году немцы постепенно стали переносить стратегическое производство в страны-сателиты. В частности производство аккумуляторов они перенесли в Вену и упрятали на территории издавна действующего завода сельскохозяйственных машин «Хофершранц».

С начала осени 1944 года союзники систематически бомбили этот двуликий Янус. Так до самого конца войны я не увидел ни одного готового к отправке аккумулятора. Бомбёжки авиации союзников были жестокими и беспощадными. Прицельное бомбометание здесь не применялось, бомбили методом ковра, в том числе и по жилым кварталам.

Хочу несколько слов сказать об американских бомбардировщиках. Это Боинги - Б-17, Б-245 Б-25, тяжёлые четырёхмоторные машины, с большой грузоподъёмностью и высоким до 10 км потолком полёта. Летали в составе крупных соединений.

Вновь прибывших узников лагеря «АФА» определили работать на фабрике разнорабочими, а с момента первой бомбардировки и до марта 1945 года мы работали на развалинах цехов и служб фабрики.

Где-то в первые дни я шёл по фабричному двору. У меня на голове была наша советская военная пилотка, в которой я постоянно ходил ещё в Севастополе. Я увидел каких-то молодых мужчин, небрежно расположившихся на штабеле досок. Один из них- обратился ко мне: «Малец, иди к нам». Я подошёл, меня спросили: «Ты русский?» Спрашивают как-будто и не по-русски, а я всё понимаю. Я в свою очередь спрашиваю: «А вы кто такие?» Они встали с досок:

«Мы серпы!» Я догадался, что это сербы. О героическом сопротивлении сербов мы были слышаны, настороженность меня покинула.

Сербы попросили меня примерить на себе мою пилотку. Я разрешил. Они поочередно примеряли и в восторге восклицали: «Як у нас!» В дальнейшем я убедился, что югославская военная пилотка почти такая же как наша, только верх пошире.

Оказалось, что эти сербы были кровельной бригадой, они предложили работать с ними. Я выразил согласие, но сказал, что собою не распоряжаюсь. Они меня успокоили, заявив, что это их дело. С этого времени я стал работать с сербами. Я старался усвоить сербский язык, в чём-то преуспел и заслужил симпатии моих старших товарищей. Американцы упорно разрушали фабрику, немцы столь же упорно пытались её восстановить. С крыш горевших цехов мы снимали волнистые листы оцинкованного железа, помещали на специально выполненные матрицы и закруглёнными киянками выправляли искорёженные огнём листы. Потом устанавливали вновь на фермах цеха. Работа была опасная, но имела одно важное преимущество: к нам не совался ни один охранник, ни один лагерный надзиратель, шаткие леса, огромная высота отбивали охоту кого бы то ни было контролировать нас ненадёжных по своему определению. Мои друзья сербы это отлично понимали. У них был радиоприёмник, работавший на батареях. Один из сербов постоянно сидел в наушниках в укромном месте. Мы знали о последних событиях войны, особенно подробно и с энтузиазмом сербы рассказывали мне об успехах Красной Армии. Имена своих новых друзей я совсем забыл, но два имени моя память сохранила - Жико и Мазало, до сих пор не знаю последнее то ли имя собственное, то ли кличка.

Кормили нас отвратительно. Каждый день полукаша, полусуп из брюквы, кусок хлеба и «кофе» из зажаренного ячменя, ходили с постоянным чувством голода. Возможность просить помощи у местных жителей исключилась: попадаешь в руки полиции - завернут тебя снова в Маутхаузен. Поэтому изыскивали любые возможности разжиться коркой хлеба. У меня появилась такая возможность: в нашей семье ещё до войны была портативная английская машинка для стрижки волос. С момента оккупации Новороссийска я стал стричь отца, родственников, соседей как говорится «косо-криво, лишь бы живо». Я

довольно хорошо набил руку в этом ремесле, продолжил заниматься этим делом и в лагере. За одну стрижку мне давали сигарету. Сигареты являлись расхожей валютой. Пять сигарет составляли стоимость килограмма хлеба или 100 граммов мяса или колбасы. Загвоздка состояла в том, что этих продуктов в лагере раздобыть было невозможно, только через Чёрный рынок.

И вот тут мне помогал мой новый приятель, мой тёзка. Боря в пятнадцатилетнем возрасте угнали в Австрию из оккупированного немцами Киева. Он уже около двух лет находился в Вене и хорошо её знал. Именно с ним я стал делать первые вылазки в город. Я уже говорил, что в первые недели нашего пребывания в Вене лагерь не был полностью обнесён проволокой. В воскресенье нас на работу не гоняли.

Боря предложил мне отважиться на прогулку по Вене. Он меня предупредил, что мы не должны выделяться своим видом от жителей. У него, кроме робы, была припрятана приличная одежда, у меня её не было. Боря намекнул, а не может ли тебе мама что-нибудь сделать. И мама сделала, ведь она была портниха. Мама из отцовских кальсон сшила мне шорты, в которых летом щеголяли венские подростки. У нас даже были вывезенные из Севастополя подростковые кожаные ботинки «Скороход». Хуже было с документами, в лагер-аусвайсе все мы были отмечены знаком «OST». Это значило, что при облаве полиция нас задержит, и мы будем обязательно наказаны. Но у всех нас было ещё одно удостоверение – «Фабрик-аусвайс». Там была наша фотография, но не было указано, что мы «OST».

Помню в наш первый выход в районе Флоридсдорфа мы увидели группу чистых, интеллигентных на вид людей с жёлтыми шестиугольными звёздами Давида на груди и надписями «Тидез». Им разрешалось передвигаться только по мостовой. Я спросил у Бори: Что сделали немцы с евреями у вас в Киеве? Он рассказал мне о Бабьем Яре. Я поведал Боре об уничтожении евреев в Новороссийске. Судьба евреев, которых мы наблюдали в Вене, была для нас загадкой.

Первым делом мы отправились с Борей на Чёрный рынок. Не могу сказать сколько их было в большой Бене, но тот, куда мы направили свои стопы

находился на знаменитом Блошином рынке «Флохмаркт». Здесь собирался отчаянный народ, который готов был продавать и менять всё и вся, в основном тогда продукты. Непринуждённо прогуливаясь, всяк предлагал имеющийся у него товар, либо продуктовые карточки. Боря в ценах поднаторел и меня обучил. Я менял сигареты на хлеб, имевшиеся у меня талоны на мясо менял на хлебные талоны, которые можно было отоварить в любом магазине.

Ездили мы с ним и в другие места. Например на Пратер. В старые времена Пратер был охотничьим угодьем императорской семьи и дворянской знати. Император Иосиф II в 1766 году открыл его для посещения публики. Широкие аллеи и великолепный пейзаж привлекали и привлекают поныне многочисленных любителей природы. На Пратере есть место «Бурстельпратер» - традиционный парк аттракционов Вены. Вот тут-то мы и ошалались с Борей. Катались в вагонетках по пещерам ужасов, больших и малых каруселях, детской железной дороге и, конечно же, поднимались и опускались на колесе «обозрения».

Дорогой на Блошиный рынок мы любовались классическими формами храма Святого Карла. Это один из самых красивых храмов стиля барокко в Вене, он увенчан мощным куполом, а с каждой стороны фасада храма, украшенного величественным греческим портиком, стоят огромные колонны, представляющие собой копии Троянской колонны и колонны Марка Аврелия в Риме. Храм был возведён по повелению Карла VI в честь избавления Вены от страшной эпидемии чумы. Храм строил архитектор Фишер Эрлах и его сын Йозеф Эммануэль с 1716 по 1737 год.

Бродили мы с Борей и по Рингу. От Венского оперного театра по улице Кортнерштрассе мы вышли на Стефанплац, где стоит огромное величественное здание кафедрального собора Святого Стефана, о котором я знал из уст нашего поэта Николая Алексеевича Некрасова: «Видел я в Вене Святого Стефана...» Кафедральный собор представляет официально признанный центр Вены. Он строился с 1359 по 1556 год, но так окончательно и не был достроен. Огромное здание с высочайшей колокольной видно было со всех окраин Вены. Запомнилось мне и великолепное здание Венского Парламента. Здание выполнено в строго классическом стиле. Фасад здания воспроизводит Парфенон в древних Афинах. Здание Парламента было построено в 1874 - 1883 годах в ново-греческом стиле

по проекту архитектора Теофиля Хансена. Перед Парламентом находится монументальный фонтан, изображающий греческую богиню Афину Палладу. Такого не видел ранее я, такого не могли представить себе мои давние и близкие предки.

А вот Дунай меня разочаровал. Я представлял его обязательно голубым, а он оказался мутным и серым.

Осенью 1944 у меня состоялась удивительная и радостная встреча. Лагерные порядки, огромный миллионный город, постоянные ожидания бомбардировок давили душу и усугубляли тоску по Родине, по оставшимся на ней близким, родственникам. И вот однажды, улизнув из лагеря, я шёл по одной из улиц Вены. Я услышал характерный звук деревянных башмаков и увидел большую команду моих земляков с надписью «OST» на груди, Я догадался, что идёт смена на соседнюю фабрику «Локомотив-фабрик». Они шли по булыжной мостовой в сопровождении охраны. Я подошёл к краю тротуара и стал дожидаться их подхода. Вдруг, в одной из шеренг я увидел знакомое, родное мне лицо - в составе рабочей смены шёл отец Жоры, моего друга по Севастополю. Я страшно разволновался: «Дядя Александр в этом чужом и страшном для меня городе!» (тогда я именно так и воспринимал Вену). Я пошёл рядом с колонной и стал кричать «Дядя Саша! Дядя Саша!» Колонна конечно же не остановилась и охранники не выпустили из рядов дядю Сашу, но он меня узнал и прокричал, что их заключили в концлагерь Нордхаузен, который обслуживал паровозостроительный завод - Локомотив-фабрик.

Я знал местоположение лагеря и в ближайшее время решил посетить дорогих мне людей. Обошёл лагерь по периметру, дырок в проволоке или подходящих для проникновения мест я не нашёл. Пришлось идти к проходной. Увидев оказавшихся здесь наших соотечественников, я спросил, как можно войти в лагерь. На это мне сказали: «Смотри, тебя пропустят, но могут и не выпустить».

Встреча была радостной как для меня, так и для всего семейства Гирь. Режим лагеря «Нордхаузен» был более жёстким и кормили их гораздо хуже. Жора, так же как и я, использовал любую возможность раздобыть еды и не для себя, а для семьи, для младших сестры и брата.

Предполагаю, что делал он это более успешно, чем я. Он мне предложил поездку в окрестную деревню, которая называлась Раздорф, там - сказал он мне - работают наши земляки.

В очередное воскресенье мы условились встретиться. Встретились на автобусной остановке и благополучно прибыли в Раздорф. Оказалось, там, в качестве батраков работают наши земляки, жители Кубани, угнанные немцами в Крым, под Севастополь, в совхоз имени Перовской, я их прекрасно знал. Не представляю, как Жора наладил с ними контакты. Они жили в большом дворе в отдельном флигеле. Хозяева, австрийцы, на нас молча поглядывали, но, препятствий не чинили.

Кубанцы, (к сожалению имена их позабыл) отнеслись к нам тепло и с участием. Они находились в более благоприятных условиях, нежели мы. Прежде всего, они нас обильно накормили. Помню, наварили вареников и поделились продуктами, имевшимися в их распоряжении. Спасибо им и поныне. Не помню, где-то мы с Жорой раздобыли и довольно много яблок, С тяжёлыми мешками возвратились к своим родителям.

Война шла к своему логическому завершению. Красная Армия вступила в пределы стран Восточной Европы, наши союзники высадились в Нормандии, усилились бомбардировки Германии и её сателлитов, вышла из войны Италия, наш лагерь пополнился интернированными (пленниками) итальянцами, солдатами армии Муссолини.

Вермахт предпринимает последние усилия избавить Третий Рейх от окончательного разгрома. Средства массовой информации пестрят эффектными снимками запуска ракет V-1 и V-2, сообщениями о катастрофическом воздействии этого нового оружия «оружия возмездия» на Лондон.

Вот в это время нас остарбайтеров лагеря «АФА» после смены собрали, в фабричной столовой на пропагандистское собрание. Проводили его деятели власовского движения, чисто одетые, ухоженные русские и украинцы. Перед нами выступил один из них. Он говорил, что в настоящее время Германия представляет собой сжатую до предела пружину, готовую в любой момент разжаться и поразить всех своих врагов. А посему наша задача хорошо работать и помогать победе

Германии. В этом наша возможность вернуться к себе на Родину по окончании победоносной войны: «OST» - это для нас мост возвращения в Россию.» В завершение этой встречи нам показали комедию «Шельменко денщик». Энтузиазм не состоялся, мы безмолвствовали.

В конце февраля, начале марта мы уже по ночам слышали артиллерийскую канонаду приближавшегося Третьего Украинского фронта. Мы ожидали своего скорейшего освобождения, понимали: ещё немножко, ещё чуть-чуть и наши беды будут позади.

Ошиблись! 12 марта 1945 года случился очередной налёт англо-американской авиации. Стоял пасмурный весенний день. Нас только пригнали на завод, как завывали сирены воздушной тревоги, опять в лагерь,

До этого Бог хранил нас. Ни одна бомба не упала на лагерь. А в этот день союзники перепахали наш лагерь. Погибло много людей. Одна из бомб попала в наш барак рядом с нашей штабкой. Некоторых откопали живыми. Маму взрывной волной швырнуло на топящую чугунную печь»

Её откопали мёртвой, она погибла в страшных мучениях.

После войны я узнал, что командующий Третьим Украинским фронтом, освобождавшим Австрию, маршал Советского Союза Фёдор Иванович Толбухин обратился к союзникам с предложением прекратить бомбардировки Вены. Однако союзники предложение игнорировали: Вена входила в советскую зону оккупации.

Всех погибших сложили на главном плацу концлагеря. Наша мама была глубоко верующим человеком и отец, помятый взрывом в кровавых ссадинах на лице и руках, но ещё державшийся в горе, постигшем нас, сказал, что мы должны отдать маме последний долг - омыть перед захоронением. Мы отнесли маму в ближайший полуразрушенный барак. Я принёс ведро воды и какую-то белую простынь, попавшуюся мне. Отец отослал меня. Когда я вернулся, мама лежала завёрнутая в белую простынь. Прибыли грузовики, трупы сложили в кузова штабелями и увезли в неизвестном направлении. Лагерьфюрер Дибель не счёл необходимым информировать кого бы то ни было, в том числе и родственников погибших. Лагерь был разбит, понесла потери и охрана лагеря, тем не менее, нас

содержали под стражей. Среди заключённых ходили слухи о возможном перебазировании оставшихся рабочих на запад, возможности уничтожения всех нас охраной. Группа наших людей решила воспользоваться моментом и совершить побег. Мы с отцом примкнули к ним.

Совершить побег и попытаться скрыться в Вене было нелепо: городская полиция, войска СС, их посты на каждом перекрёстке. Кто нас укроет?

Решили по-иному. Мимо лагеря по улице Прагерштрассе, на машинах, телегах, пешком с тачками отступали на запад огромные массы беженцев из Венгрии и Восточной Австрии. Вот в этот поток мы решили влиться и покинуть Вену.

Надо было подготовиться, раздобыть еды. Теперь из лагеря можно было уйти легко, в любой день. Я отправился на Блошиный рынок.

Путь моего следования проходил по Рингу. Я увидел страшные разрушения центра Вены: лежащее в руинах здание Венской государственной оперы, разрушенное восточное крыло собора Святого Стефана и пострадавшие здания вокруг. Это всё свершилось 12 марта 1945 года. Вена варварски пострадала вслед за безжалостной бомбардировкой Дрездена.

Настал условленный день. Мы к нему подготовились кто как смог. Прежде всего, надо было избавиться от одежды, которая могла изобличить лагерников - серой робы, ботинок с деревянной подошвой и нашивок со злополучной надписью «O8T». В развалинах нашей штубы мы отыскивали нужные нам вещи, для их транспортировки среди окрестных развалин я обнаружил аккуратную двухколёсную тележку, на которую мы с отцом погрузили наши пожитки. Глубокой ночью в прорыв из проволоки мы покинули наш лагерь, и засели в развалинах дома на улице Прагерштрассе, мимо которого и двигался поток беженцев. А когда утром он в полную мощь пошёл мимо нас, мы влились в него... Внешне мы ничем не отличались от людей, окружавших нас, только по возможности помалкивали, боясь русской речью выдать себя.

Когда мы прошли километров пять, то решили передохнуть. Остановились у развалин какого-то завода или фабрики. Я пошёл осмотреть эти развалины.

Обнаружил, что там нет людей и какой бы то ни было охраны. Оказалось, что это было предприятие по изготовлению пищевых полуфабрикатов. Что-то из них забрали и увезли. А кое-что осталось, в частности спрессованные, но не упакованные брикеты гороха. Я пришёл к нашим и рассказал о виденном мною. Мы по очереди запаслись столь ценным для нас в это время продуктом. Далее благополучно вышли к окраинам австрийского городка Штоккерау, что примерно в 40 километрах от Вены, свернули вправо на просёлочную дорогу, которая вела в сельскую местность и облюбовали огромный деревянный сарай, забитый сеном. Была вторая половина марта, довольно прохладно. В сене сарая сделали для себя норы, которые спасали нас от ночного холода,

Через несколько дней в сарай пришли французские военнопленные бежавшие из лагеря, несколько семей евреев и подобный нам народ, в общем настоящий Ноев ковчег. От голода всех спасал бург картофеля, заложенный хозяевами австрийцами неподалёку. Они знали, чем мы занимаемся. В другое время за этим последовала бы жестокая расправа, но теперь, очевидно, нас побаивались - фронт был уже совсем рядом. Отсутствовала соль. Картофель варили, а недостаток соли забивали кислым вкусом дикого щавеля, в обилии произраставшего вокруг. Пленные французы баловались ещё и одуванчиками, которые выбросили на свет розетки молодых листочков. Пленные приготовили салат и пригласили меня отведать. Я знал, что это одуванчики, но первоначально посчитал, что это совсем другие, нежели наши, попробовал - горечь необыкновенная, я отказался продолжить трапезу. Французы рассмеялись. Хлеба не было. Я пошёл в соседнюю деревушку, в надежде добыть хлеб. На улице ко мне подошёл австриец и на ломанном русском спросил не русский ли я. Я ответил утвердительно, он повёл меня в свой двор. Дал мне хлеба и небольшой кусочек сала. О себе рассказал, что в I Мировую войну он был в плену в России, на Волге. Ему русские люди помогали. Я поблагодарил его, а про себя подумал: «Чудны дела твои, Господи!» Потом я ещё навещался к нему, и поныне благодарен за хлеб-соль, которыми он делился со мною.

В сарае жили две или три еврейские семьи, я был весьма коммуникабельным подростком, мне очень хотелось узнать, как этим нашим собратьям удалось уберечь себя от уничтожения фашистами. Эти люди уже знали, что я русский.

Одна из еврейских женщин спросила меня, а как на русском языке звучит «дис1е8» Я сказал, что совсем не так и произнёс «еврей». Женщина была очень довольна, рассказала об этом своим соотечественникам, а мне стала называть как слово еврей звучит на других языках. Мы подружились. Интересовавший вопрос я всё-таки осмелился задать. Женщина стала серьёзной. Она мне сказала, что судьба её народа в Третьем Рейхе ужасна. Но их спасли родственники из Соединённых Штатов Америки. Они периодически платили нацистам особый валютный выкуп в долларах. А сейчас, не доверяя договору с нацистами и опасаясь что они их под конец пристрелят, как и мы, воспользовались неразберихой и предпочли покинуть Вену, Дама мне рассказала, что среди них очень уважаемые и почтенные люди: «Вот этот господин, посмотрите, был владельцем частной клиники, а вот рядом с ним господин был владельцем универмага в Будапеште». В последствии врач оказывал мне медицинскую помощь.

Третий Украинский фронт освободил Вену тринадцатого апреля и остановился в четырёх-пяти километрах от нашего сарая. Рейх рушился. Подле нас в лесочке прятались дезертиры Вермахта. Рано утром к лесу подъехали грузовики с эсесовцами, поднялась стрельба, в кого стреляли, осталось неизвестным, но всех, кто оказался в кольце или тех, кого не застрелили, эсесовцы погрузили в фургоны и увезли.

Мы оказались в зоне действия советской фронтовой авиации и артиллерии. Наши соотечественники стали копать для себя укрытия в соседнем овраге. Не учли одно - глину выбрасывали на молодую зелёную траву. Налетели наши штурмовики и распахали весь овраг. Владельцам укрытий повезло. Они не успели перебраться в свои блиндажи. Но даже не это заставило нас покинуть сарай. Накануне той ужасной ночи нас посетил солдат власовской армии. Он довольно долго ошалался у сарая, хвастал насколько возросла роль власовской армии «РОА».

- Теперь мы расстреливаем немцев.

Оказалось что он из состава заградотряда, который располагался в тылу немцев, сидевших в передовых окопах. Немецкое командование уже в таком деле не надеялось на выполнение приказа немцами из подобных формирований.

Но этот подонок пришёл к нам не для того, чтобы похвастать. В первую же ночь к нам в сарай ворвались его приятели, подняли стрельбу, обшарили весь сарай и угнали с собой девушек и молодых женщин. В своих окопах они до утра насиловали бедных женщин, и те в лучах восходящего солнца, шатаясь и ползком, добрались до нашего сарая. Врач еврей и русская медицинская сестра оказали им посильную помощь,

После этого оставаться в сарае было равносильно самоубийству. Наша группа «АФА» решила перебраться в соседнюю деревню Шпиллерн. Поселились мы на окраине в пустующем свинарнике. Очистили его, настелили на бетонный пол соломы. И опять владельцы свинарника не объявились и оставили нас в покое.

Здесь я бывал ещё осенью. Там работали наши соотечественниками, я менял у них сигареты на картофель. Помню в один из наших приездов, в деревне отмечали какой-то нацистский праздник. Подростки обоих полов шагали под удары барабанов с фашистским флагом. Так что опасаться было чего.

Опять картофель у нас был, хлеб и соль отсутствовали. Местное население не спешило с нами делиться. Откуда-то я узнал, что местный магистрат городка Штоккерау организовал выпечку и бесплатную раздачу горожанам ржаного хлеба. Я отправился в городок и стал свидетелем того, как в назначенный час перед зданием Ратхауза (здания городского магистрата) появилась автомашина, гружённая свежеспеченным хлебом. Горожане без суеты стали в очередь, я тоже. Стоял с опаской, местные, безусловно, друг друга знают, я чужак, обнаружить, что я русский была пара пустяков. Подходит моя очередь, и мне без вопросов вручают килограммовую буханку хлеба.

Потом я ещё не раз наведывался за хлебом. Ничего не скажешь, я испытывал признательность горожанам и их начальникам за хлеб и за то, что меня не выдали полиции.

Нас освободили 7 мая 1945 года. Я никогда не забуду этот день. С ночи шла страшная артиллерийская стрельба, а утром мы услышали крики: «Наши идут!» Оказывается девушки белоруски пошли к ручью полоскать бельё. А там закрепились наши солдаты, они ещё вели бой.

Увидев девушек и, очевидно, опознав своих, прокричали: «Матерь вашу, убирайтесь отсюда, если жизнь дорога!»

Девушки убежали, прибежал к нам и в возбуждении в радости повторяли, что кричали им наши солдаты,

Мы не выдержали и тоже побежали к ручью. На фоне восходящего солнца нам навстречу, спускаясь с горы, шли на спад наши солдаты с автоматами, ручными пулемётами в потрепанном обмундировании, измазанном глиной, при погонах. Мужественные и решительные мы бежали им навстречу. Мы обнимали и целовали наших Освободителей. Ни одного дурного слова не могу сказать об этих солдатах. Мы не видели ни одной сцены насилия или грабежа, о чём назойливо пытаются поведать нынешние СМИ, и ни одного случая недружественного отношения со стороны австрийского населения к Нашей Армии.

Спасибо и вечная память Освободителям!

Целый день 8 мая 1945 года мы пешком возвращались с отцом в Вену. Нам надо было непременно установить место захоронения нашей мамы. К вечеру мы вышли к окраине Вены, надо было отыскать место ночного приюта. Была только одна возможность = лагерь «АРА». Мы опять вошли в разгромленный и обезлюдивший лагерь, ведь Вена была освобождена нашими войсками уже тринадцатого апреля, и народ, населявший лагерь, давно его покинул.

Мы печально сидели у обломков бараков и забора из колючей проволоки, раздумывая, что делать, как вдруг увидели знакомого пожилого грека, который знал нас и знал о нашей горе. Оказалось, что он продолжал в единственном числе жить в нашем лагере. Грек пригласил нас к себе. Его жилищем была уцелевшая штаба, в которой он навёл относительный порядок. В роли хозяина он поинтересовался, не голодны ли мы. Мы действительно были очень голодны. Грек угостил нас свежеприготовленной кашей из цельного зерна пшеницы, Она была

хорошо разварена и вкусно пахла. Добавлял ли грек в это варево ещё что-нибудь, я не знаю, но она казалась нам сказочно вкусной. Возвратившись в Новороссийск, я неоднократно спрашивал наших понтийских греков, есть ли у них национальный секрет приготовления подобной каши. Они отвечали отрицательно, качали головой. Очевидно, мы были очень голодны, и любая еда в том числе и просто сваренная в горшке пшеница, казалась нам лакомством, Доброму же греку я благодарен поныне.

Перед нами стояла задача непременно узнать место захоронения узников нашего концлагеря, погибших двенадцатого марта.

Утром 9 мая 1945 года мы отправились с отцом в советскую комендатуру XXI района Вены. Дело было уже около полудня. На одной из улиц я увидел газетный стенд, на который была наклеена местная австрийская газета. Моё внимание привлёк огромный газетный заголовок, оттиснутый красной краской на первой странице. Я подошёл вплотную и несколько раз перечитал, не веря своим глазам. Я возвратился к отцу и рассказал о прочитанном. Отец, весь отдавшийся своему горю; довольно безразлично сказал мне: «Поди узнай у кого-нибудь».

Вокруг как назло никого не было. Я забегал. Подскочил к идущему мне навстречу нашему солдату и взволнованно спросил. Солдат заулыбался, погладил меня по голове и подтвердил: «Да, пацан, Победа! Войне конец!»

В этот день нас принял военный комендант XXI района Вены. В большом готического стиля кабинете сидел подтянутый офицер в золотых погонах. Я тогда не разбирался в знаках отличия, поэтому не могу сказать о его звании. Всё, что я видел, было для меня необычным и удивительным и прежде всего золотые погоны. Разговаривал с комедиантом я, так как отец, подавленный смертью мамы, говорить не мог и буквально плакал навзрыд.

Я изложил обстоятельства гибели нашей мамы, Елизаветы Кирилловны, и попросил помочь установить место захоронения жертв бомбёжки двенадцатого марта. Комендант в нашем присутствии вызвал адъютанта, дежурившего в приёмной, поручил ему непременно выполнить нашу просьбу. Сердечно поблагодарив, мы покинули кабинет.

По заданию коменданта австриец, неплохо говоривший по-русски, отвёл нас к себе и попросил посидеть. Он выполнил распоряжение. На комендантском виллисе он отвез нас на кладбище Эдлезес в XXI районе Вены.

Опустив головы стояли мы у братской могилы №1, где покоилось тело матери. Отец разрыдался, я как мог утишал его. Управляющий кладбищем Герр Пюрер, предложил нам рассаду цветов и молодые саженцы деревьев. Цветы мы высадили по периметру могилы. Я выкопал неглубокую ямку и посадил подле тоненький саженец березки.

Велением судьбы наша мама, младшая дочь в семье Беспаловых, как и её старший брат Афанасий Кириллович, обрели свой конец вдали от дома » мама в земле Австрии, дядя в волнах Цусимского пролива. Да и погибли оба ужасной смертью. Дядя в пылающем огне чреве машинного отделения перевернувшегося вверх килем «Бородино», мама от жара раскаленной чугунной печи.

Мы покидали кладбище. Вдруг я услышал голос управляющего кладбищем. Он просил нас остановиться. Я подошел к нему, он спросил, нужен ли нам документ о смерти и захоронении нашей матери. Я не знал, что таковой существует и нужен ли он нам. Спросил отца, он мне безразлично ответил: «Пойди возьми».

Герр Пюрер завёл меня в свой маленький кладбищенский кабинет, заложил в печатную машинку «Ундервуд» белый лист, отпечатал текст и приложил к нему печать. Только потом узнал, от скольких возможных осложнений избавил нас этот добрый человек.

Не могу не вспомнить как мы с отцом покидали Вену. Ко Дню Победы узники фашистских концлагерей уже покинули город. Нам в комендатуре . выдали направление явиться на сборный пункт репатриации советских граждан в Штатлау или Шотлау (точно не помню). Мы бродили по Вене, спрашивали всех подряд, но никто ничего вразумительного не мог сказать. Находясь у Пратера, мы отдыхали под сенью каштановой аллеи и стали свидетелями такой картины. Мимо нас австрийцы в гражданском, но при оружии, (очевидно это были участники движения сопротивления) вели группу фашистов. На шеях каждого из них на верёвках висели деформированные рукой художника, вырезанные из больших листов

картона фашистские знаки. Зачем они оказались в центре города, то ли их перемещали куда-то, то ли водили в наущение горожанам. Конвоируемые шли молча, опустив глаза в долу.

Пункт сбора мы не нашли. К вечеру мы оказались у какого то завода, охраняемого нашими солдатами. У них мы стали просить помощи в нашем деле. Ничего дельного они нам сказать не смогли. Но по принципу «Утро вечера мудренее», предложили перекусить на подведомственной им территории. Там был навес для велосипедов и огромная куча соломы. Мы с благодарностью приняли предложение. Солдаты поделились с нами своим ужином. Все они были смуглые и говорили с характерным акцентом. Я спросил их кто они по национальности. Они смеясь ответили: «Мы цыгане!» Цыгане, так цыгане, спасибо Вам.

В свою очередь они поинтересовались откуда мы, куда направляемся. Я ответил, что мы из Краснодарского края, из Новороссийска. Солдаты бурно заговорили по-цыгански и, придя к какому-то заключению, сказали нам, что этот завод подлежит передаче Советскому Союзу согласно репарациям и что демонтированное оборудование на днях будет погружено в вагоны отправлен в Краснодар.

«Мы, сказали они, - будем сопровождать эшелон. Мы Вас посадим и привезём в Краснодар!»

Мы поблагодарили добрых цыган, но их предложение показалось нам фантастическим.

Путешествие с пересечением государственных границ европейских держав выглядело невозможным и опасным. Цыгане с сожалением приняли наш отказ. Мы тепло с ними распрощались и продолжили искать пункт сбора.

И тут кто-то нам сказал, что это вероятно Шопрон. Где он находится, мы представления не имели, но раз Шопрон – даёшь Шопрон. Нам показали где находится шоссе, ведущее в Шопрон и мы двинулись со своей тачкой.

Эти дни были радостными не только для нас. По шоссе двигались поляки, чехи, французы... Они шли со своими национальными флажками, распевали национальные песни, а мы гордились подвигом нашего народа, нашей Родины.

До Шопрона мы шли дня три. Оказалось, что этот городок расположен уже не в Австрии, а в соседней Венгрии.

На подходе к Шопрону, у железнодорожного переезда увидели эшелон, гружённый каким-то заводским оборудованием. Какого же было наше удивление, когда на платформах мы увидели наших дорогих цыган, приютивших нас на ночь в Вене. Они нас тоже узнали и, перебивая друг-друга стали приглашать погрузиться в их эшелон. Теперь мы не устояли, погрузились со своей тачкой на платформу с двумя огромными станинами какого-то станка. Пренебрегая опасениями, одолевшими нас, мы двинулись в Краснодар.

Устроились на открытой платформе хорошо, пространство между станинами заполнили соломой, а крышу соорудили, натянув над головой немецкую армейскую противохимическую накидку.

Эшелон двигался медленно, особенно длительной была остановка в Будапеште. Город был очень разрушен войной, все мосты через Дунай немцы при отступлении взорвали. Единственным зданием, более или менее сохранившим свой первоначальный вид, был расположенный на берегу Дуная Венгерский парламент.

Причина длительной остановки в Будапеште стала ясной, когда мы стали проезжать наскоро возведённый сапёрами мост через Дунай: единственная колея была положена на быки, сооружённые из шпал, сложенных друг на друга высокими столбами. Эшелон шёл по мосту очень медленно и нам показалось, что эта шаткая конструкция развалится, не выдержав тяжести состава.

Расскажу, что было с границами. Ведь нам надо было пересечь Венгрию, Югославию, Румынию. А было просто - границ не было. Единственный раз нас проверяли югославские партизаны, когда мы пересекали венгеро-югославскую границу. Они прошли вдоль всего эшелона и согноли всех мешочников, которые пытались примоститься как и мы между станками. Спросили и нас. Я заговорил с

ними по-сербски, рассказал ко мы такие. - «А документ на право проезда у Вас есть?»

- «Есть» - ответил я и предъявил наше направление на сборный пункт, которое мы получили в Вене. Там стояла армейская печать с пятиконечной звездой. Это был аргумент. Мы приветливо расстались.

Но вот когда мы прибыли на железнодорожную станцию города Тимишоара. (Да, это именно тот город в Румынии, с которого начались события, приведшие к краху правления Чаушеску) нас сняли с состава наши советские патрули. Нет, мы не имели к ним претензий. Они были добрые, милые люди и заслуженные победители. Но то, что они нам стали говорить, вызвало у нас полное недоверие, более того раздражение.

Разговор был примерно такой:

- Дорогие земляки, не бойтесь и не переживайте, мы Вас отведём в заведение, где Вас помоят, накормят, положат спать в чистые белые постели!»

- Какие ещё чистые белые постели?! - думалось нам.

Но солдаты оказались абсолютно правы. Они привели нас в румынский отель, расположенный неподалёку от станции. Мы оставили там во дворе свои вещички. Затем они же повели нас опять на станцию, где мы в санитарном поезде прошли пропарку нашей одежды и отлично выкупались.

Опять пришли в отель. Нам предоставили гостиничный номер с двумя белоснежными кроватями, столом, шифоньером и водопроводным краном над чугунной раковиной. Нам незамедлительно выдали крупную сумму денег в ляхах и указали магазины, где мы можем реализовать эти деньги. Карточки в Румынии отсутствовали. На полках магазинов белый хлеб килограммовыми буханками, колбасы и сало по-венгерски в красном перце.

Вот так. Наелись мы, напились чаю и легли спать в чистейшие постели.

Все эти блага оплачивались румынским правительством в счёт репараций Советскому Союзу. Летом 1945 года мы первыми из родственников возвратились в Новороссийск. Он лежал в грудях развалин.

Железнодорожный порт и вокзал работали, город восстанавливался.

Особенно основательно немцы разрушили портовые сооружения: приказ Гитлера был выполнен на все сто процентов. Фундаментальная Каботажная пристань была превращена в груды огромных глыб бетона, искорёженных металлических конструкций и остовов товарных вагонов. Наши морские минёры очистили акваторию порта от обычных мин замедленного действия. Поработали на совесть, поэтому надежды немецкого командования на то, чтобы русский флот длительное время не мог пользоваться им, не оправдались. И, даже, в отличие от Севастополя, по окончании войны в Новороссийском порту не произошло ни одного подрыва судов или морских сооружений.

Осенью 1945 года стали возвращаться многие жители нашего города, которых немцы угнали Германию. Приехала и тётя Луша.

Тётя Луша и дядя Ваня Кирилловичи были угнаны в Германию тем же путём, что и мы, им удалось целыми добраться до Констанцы, хотя их бомбили советские самолёты.

Наши родственники оказались в Рейнской области в концлагере у городка Гевельсберг, в 15 км от родного города Фридриха Энгельса Бармена (с 1929 г Вупперталь), а там уж рукой подать до города Трир, где родился Карл Маркс.

Могли ли мы и наши родственники представить, что кому-нибудь из них удосужится побывать на Родине основоположников научного коммунизма и найти там своё последнее пристанище?!

Условия пребывания в этом лагере были ужасными: тяжёлая физическая работа и существование на грани голодной смерти. Заключённых гоняли на работу мимо свалки. Иногда бывало удавалось ухватить гнилые овощи или что-нибудь съестное. Однажды тёте попалась конечность конской ноги с копытом, с которого с трудом оторвали подкову,

Люди гибли от голода, в первую очередь мужчины. В лагере Гевельсберг умер наш дядя Иван Кириллович и муж тёти Луши Осип Фабианович.

Заключённые лагеря были в 1945 году освобождены американцами.

Надо отдать должное: они проявили всестороннюю заботу об измождённых голодом и страданиями людях, оказали медицинскую помощь, кормили, относились с должным уважением и соболезнованием.

Всего наши родственники потеряли павшими на фронтах войны, погибшими в оккупации семь человек. Вечная им память!

Я снова был в своём родном городе, и, несмотря на окружавшую нас разруху и скудость быта, испытывал счастье и радость от пребывания на Родине, от общения с земляками, моими друзьями по школе и улице. Но уже летом 1945 года я обнаружил, что моё пребывание в оккупации и в концлагерях Европы, ложится тёмным пятном на мою биографию.

К лету 1945 года мне было пятнадцать лет, а за моими плечами было всего четыре полных класса начального образования. Моя старшая сестра Валентина, учитель по образованию, проживавшая во Владикавказе (тогда Дзауджикау), решила забрать меня в свою семью для того, чтобы упорными занятиями со мной преодолеть в какой-то степени моё отставание в образовании.

Однако все попытки выехать во Владикавказ успеха не имели: железнодорожный билет можно было таким как я, приобрести только через органы МВД. Отец ходил, просил, но разрешение я не получал. Был август.

Во дворе я подружился с мальчиком, который был младше меня, но уже закончил седьмой класс. Я делился с ним своим горем. Оказалось, что отец мальчика был офицером одной из служб МВД, и через сына информирован о моей проблеме. Он подошёл к отцу и сказал:

- Иосиф Иванович, больше никуда не ходите, я всё улажу.

Он действительно уладил. Я получил долгожданное разрешение на право покинуть Новороссийск.

Я прибыл во Владикавказ и меня сразу определили в седьмой класс. С помощью сестры и родственников её мужа, которые все были учителями, я стал учеником седьмого класса. Это для меня были очень трудные дни, порой я впадал в отчаяние.

Учился я во вторую смену. И вот вечером, когда мы собрались за одним столом, свекл мой сестры, Валентин Яковлевич, замечательный педагог, учитель математики, стараниями которого я сумел преодолеть свой провал в математике, рассказал следующее. Он оказалось пришёл домой раньше нас. Звонят в дверь двое, представляются работниками госбезопасности, спрашивают:

-«Здесь проживает репартированный гражданин?»

Валентин Яковлевич ответил отрицательно. Те опять спрашивают: - «Как, а вот...»

И называют моё имя и фамилию. Валентин Яковлевич оторопел:

-«Позвольте, какой он гражданин, он мальчишка, ему 15 лет»

Свидетельство об окончании седьмого класса я получил без единой тройки, все предметы были оценены на четыре и пять.

Я продолжил обучение в средней школе. Меня выбрали старостой класса, каким я оставался вплоть до десятого класса. Все мои товарищи были членами ВЛКСМ, мне по этому поводу задавали вопросы, я отмалчиваюсь.

Наконец меня спросили в лоб - хочу ли я быть членом комсомола.

В комсомол меня принимала не групповая, классная организация, а общешкольное комсомольское собрание, оно проходило в спортивном зале. Ребята сидели там, где им показалось поудобней: на скамейках, спортивных снарядах, а кто просто на матах. Дисциплина носила кавказский колорит: сдержанные шутки и посторонние разговоры составляли привычный фон всех обсуждаемых вопросов повестки дня. Выхожу я, девятнадцатилетний юноша, к столу президиума. Волнуюсь.

- Вопросы будут?

- Пусть расскажет автобиографию.

Чтобы исключить домыслы, начинаю подробно излагать всё пережитое. Зал затихает, затихает совершенно, чувствую, меня слушают с нескрываемым интересом и сопереживанием.

- Какие будут предложения?

- Принять!! Поднимается лес рук. Единогласно.

По семейной традиции я пошёл в педагогический институт. Учился хорошо, окончил институт с красным дипломом. Во вкладыше к диплому все предметы означены только баллом «отлично». Два года возглавлял профбюро историко-филологического факультета. Был наслышан о том, что мне могут предложить аспирантуру и поступление в ряды ВКП(б).

Но опасения по поводу возможных неприятностей не оставляли меня. Я решил встретиться по этому поводу с нашим деканом, очень хорошим человеком, доктором наук и парторгом нашего факультета.

Он принял меня у себя дома. В этой частной беседе я рассказал всё о пребывании на оккупированной территории, лагерях Западной Европы, и открыто изложил свои опасения по поводу возможного конфуза при официальном обсуждении моего вопроса. Он понял меня и объективно оценил возможные для меня последствия.

Б.И. Сергель и его семья

- Да, Сергель, тебе надо будет повременить, дожидаться перемен.

Перемены не заставили себя долго ждать: в марте 1953 года последовала смерть Иосифа Виссарионовича Сталина.

В июле мы узнали, что Лаврентий Павлович Берия - агент мирового империализма, его незамедлительно расстреляли. Но в основном система работала по инерции и ещё долго.

С 1 сентября 1953 года, по окончании пединститута, я работал учителем истории в одной из школ Новороссийска. Школа была в городе на хорошем счету, её закончили многие мои приятели и учились дети наших соседей.

Ещё в студентах я получил отсрочку службы в армии, но нас определили по родам войск и выдали военные билеты. По моей просьбе мне был вручен билет с якорем.

При постановке на учёт в военкомат Новороссийска, меня предупредили, что с октября я зачислен на курсы корабельной проводной связи. Я принял это как должное, даже помыслов увильнуть от курсов в голове не было. Весь учебный год мы изучали судовые телефоны, коммутаторы и прочее. Весной сдали экзамены. Я старательно учился, поэтому в свидетельстве об окончании у меня были только отлично. Одновременно нам вручили предписание в июле проследовать в Одессу, чтобы в течение четырёх месяцев пройти практику на боевых кораблях Одесского полуэкипажа.

В Одессу прибыла вся наша команда. Надели рябчики, военную форму, готовились к присяге. Вдруг в наш кубрик приходит дневальный выкрикивает ряд имён, моё в том числе, и отдаёт распоряжение построиться у штаба.

Построились. Выходит морской офицер, вручает нам предписания на бесплатный проезд по железной дороге и объявляет, что мы должны отбыть Новороссийск без вопросов.

Моих земляков было пять-шесть. Скажу откровенно - нас это не расстроило, меня тем более, потому что мне предстоял первый раз в моей жизни педагогический отпуск в сорок восемь рабочих дней.

Ехали домой мы все в одном вагоне, рассуждали, что же это с нами произошло. Все ребята были коренными жителями Новороссийска и были угнаны немцами на Запад, за границу. Всё стало на свои места, но изменилось наше отношение к происходящему.

Я решил писать жалобу в Президиум Верховного Совета Союза СССР. Председателем тогда был Климент Ефремович Ворошилов. Вот и получилось по

стихотворению, которое мы учили в детстве «Климу Ворошилову письмо я написал».

Мои близкие выразили сомнение по поводу моей челобитной: твоё письмо не выпустят из Новороссийска.

Посему я передал письмо знакомой проводнице с тем, чтобы она в Москве опустила в почтовый ящик, и стал ждать.

Меня вызвали в Горком партии, хотя членом партии я не являлся.

- Письмо писал?

- Писал.

- Почему?

Пришлось объяснять, что нарушено моё конституционное право, почётная обязанность защиты Социалистические Отечества. Я - гражданин СССР. Привёл соответствующую статью. И шёл ва-банк. Понимал, что мне ой как могут хвоста накрутить. Обошлось. Объяснили, что для нас не хватило рабочих мест для прохождения практики. Однако служба в военно-морском флоте мне была заказана: через неделю я был вызван в Горвоенкомат и военный билет с якорем мне был заменён на сухопутный.

Все послевоенные годы мы с сестрой Валентиной испытывали определённую вину перед памятью нашей мамы. Прошли десятки лет, мы всё это время не могли посетить место захоронения нашей мамы. А причина была вовсе не в нас: я был невыездной потому, что был в оккупации и за границей в концлагерях, а сестра и её муж были преподавателями в Высшем военно-морском училище города Баку.

В конце 80-х годов мы уже как-будто наблюдали определённые перемены. Я решил съездить на могилу матери в Вену.

Обратился сразу в городской ОВИР Ленинграда. На приёме у большой начальницы изложил суть своей проблемы. Она мне ответила, что по существующим правилам для меня поездка исключена. Я заговорил с ней

человеческим языком: «Помогите, ведь есть исключения или какие-то другие пути?»

Она посоветовала мне написать в комитет Красного Креста Союза СССР в Москву, что я не замедлил сделать.

Не скоро получил ответ, извещавший меня о том, что работниками Австрийского Красного Креста произведена проверка, имя Вашей матери на могилах не обнаружено, посему Вам содействовать не можем.

Я был возмущён, сел в поезд и отправился в Москву, добрался до Кузнецкого моста, где находится главное здание Комитета, и встретился с дамой, подписавшей адресованное мне письмо.

- «Позвольте, Вы думаете, что немцы, свалившие тела в братскую могилу на скрижалях выбили их имена?».

- «Всё так, но ничем Вам помочь не могу».

С тем я возвратился в Ленинград.

В 2003 году я всё-таки побывал в Вене. В этом году мы с женой накануне Дня Победы воспользовались благотворительной акцией «Аэрофлота», предоставив ветеранам Отечественной войны бесплатный перелёт в одну из столиц Европы. Я по праву бывшего несовершеннолетнего узника фашистских концлагерей, а супруга как девочка блокадного Ленинграда, воспользовались акцией.

Мы тщательно готовились к этой поездке: в Казанском соборе на Невском приобрели отечественные освященные в храме свечи, из Парка Победы, что на Московском проспекте, взяли несколько горстей родной земли, а для администрации венского кладбища Едлезее, где была захоронена матушка, я решил приобрести буклет с историей и фотографиями Ленинградского Пискаревского кладбища.

Случилось так, что я ни в киосках, ни в Доме книги ничего не нашёл. Памятуя о том, что раньше в одном из павильонов на входе кладбища был магазин с

печатной продукцией, посвящённой его истории, я отправился туда. К моему огорчению магазин уже не существовал.

Расстроенный, я зашёл в помещение администрации. Меня приняли две девушки. Я высказал свою досаду. Они очень участливо отнеслись ко мне, и предложили написать просьбу директору Пискарёвского кладбища. Оказывается на кладбище для VIP-персон предусмотрен альбом, вручаемый после посещения. Они мне сказали, чтобы в заявлении я кратко изложил свою судьбу в концлагерях Австрии, а они попытаются убедить директора, что я как жертва фашизма заслуживаю возможность получить такой альбом для вручения управляющему венским кладбищем Едлезее.

- Вы пройдитесь по кладбищу, а мы отправимся к директору.

Я не успел прийти к ступеням, спускающимся от входа, как услышал их голоса:

Борис Иосифович, Борис Иосифович, возвращайтесь, разрешение получено.

Администрация Пискарёвского кладбища вручила мне для передачи в Вену совершенно бесплатно замечательный альбом в элегантном футляре.

Накануне Дня Победы мы вылетели в Вену. Аэропорт Швехат поразил нас изысканностью. Он не шёл в сравнение ни с нашим Пулково, ни с Шереметьевым, где мы сделали пересадку.

Прибыли мы в Вену в пятницу, а утром в субботу, отправились на кладбище Едлезее. С нами не было ни сопровождающего, ни переводчика. Но удивительно, я чувствовал, что во мне восстанавливаются навыки разговорного немецкого языка и схема транспорта, которым нам надо было воспользоваться. Правда, многое изменилось, но приветливые венцы нам во всём оказывали помощь.

Какого же было моё разочарование, когда на кладбище Едлезее Братской могилы мамы мы не обнаружили, только посаженная мною берёза превратилась в огромное дерево и стояла на своём месте.

Я пошёл объясняться с администрацией кладбища. Объясниться не удалось - была суббота, был выходной день.

Дежурил молоденький австриец, который заодно торговал цветами. Он мне сказал, что здесь давно нет братской могилы, но посоветовал нам пройти на русское кладбище. По схеме указал, как туда пройти. Мы нашли это кладбище и слёзы навернулись на наших глазах. Оказалось, что здесь погребены солдаты и офицеры, павшие в боях при освобождении Вены в марте-апреле 1945 года. На большинстве могил были обозначены фамилии, но на некоторых значилось просто «Красноармеец». Мы возвратились, купили цветы, зажгли у обелиска свечи и рассыпали по солдатскому кладбищу родную землю из Ленинградского парка Победы. Опять возвратились к цели нашего приезда - утраченной Братской могиле. Я внимательно осмотрел площадку, где находилось захоронение, и к своему возмущению обнаружил здесь поздние персональные захоронения жителей Вены.

Совсем расстроенные мы с женой поставили свечу под берёзой и покинули кладбище. Вопрос о дарственном альбоме администрации кладбища отпал сам собой. Объясниться по поводу исчезнувшей Братской могилы я решил по возвращении на Родину в Австрийском консульстве Петербурга.

Впереди у нас были ещё пять дней пребывания в Вене, которые мы использовали согласно культурной программе нашей туристской путёвки. Мы посетили восстановленный собор Святого Стефана, посетили Венскую Государственную оперу, музей изящных искусств, Дворец Бельведер, Дворец Шёнбрюн.

Была у нас ещё автобусная экскурсия «Музыкальная Вена». В маршрут экскурсии входило посещение Венского Центрального кладбища... Это мемориальное кладбище, где нашли последний покой представители аристократических семей Австро-Венгрии, выдающиеся политические и общественные деятели, великие композиторы Австрии и мира - Бетховен, Шуберт, всё семейство Штраусов и др. Эти захоронения находятся слева от аллеи, ведущей от главного хода, перед кладбищенским Храмом «Zum Heiligen Karl Borromeus».

Кладбище, храм, могильные памятники содержатся в идеальном порядке. Просто позавидовать надо, как умеют это делать австрийцы.

Возвратившись в Санкт-Петербург, я незамедлительно отправился в Австрийское консульство на приём к самому консулу. Консула на месте не оказалось, дама, ответственный секретарь, справилась, в чём мои проблемы. Я весьма жестко поведал об исчезновении братской могилы, где была захоронена моя мать, и попросил адрес Австрийского посольства в Москве. Дама, конечно, была умная и тактичная. Она предложила мне обратиться в «Чёрный крест». Я сказал, что такой организации я не знаю. Да и лично для меня это название звучало страшновато. Так и приходила на ум чёрная магия.

Дама мне объяснила, что «Чёрный крест» - европейская международная организация по розыску и сохранению могил двух мировых войн. Штаб-квартира организации находится в Вене. Дама дала мне адрес и уговорила обязательно написать. С большим недоверием и сомнением я покинул здание консульства.

Я написал. К нашему с женой удивлению вскорости пришло официальное письмо, в котором меня ставили известность о том, что братская могила, где была захоронена мама, с кладбища Едлезее в 1971 году была перезахоронена на Центральное кладбище Вены. «Мы надеемся, что этим мы помогли Вам. Остаёмся с дружеским приветом. От имени Президиума Иозеф Шантль. Президент Франц Рабль.» Это было невероятным ведь в свой первый приезд в Вену мы находились в нескольких шагах от захоронения моих сотоварищей по концлагерю и нашей мамы, не представляя как близко мы находились у цели нашего посещения Вены.

В 60-ю годовщину Победы мы с супругой побывали на кладбище и вручили его Управляющему дарственный альбом с Пискарёвского кладбища. Наша встреча состоялась в приёмной администрации. Присутствовали многие сотрудники. В нашем лице для Ленинградского Пискарёвского кладбища были вручены три буклета с путеводителями и иллюстрациями секторов Центрального кладбища.

По нашей просьбе через министерство иностранных дел нам было разрешено вмонтировать в могилу памятный знак с именем нашей мамы.

В третий наш приезд в Вену мы возложили цветы уже на памятной плите. На плите краткая надпись - «Elisabeth Sergel 1893-1945 Russland».

Когда тебе доведётся побывать в Вене, обязательно посети Центральное кладбище. От ворот кладбища аллеей пройди к сектору с захоронениями великих музыкантов. Пройди этой же аллеей к кладбищенскому храму. Здесь у его стен покоится прах советских солдат, освобождавших Вену в апреле 1945 года. Положи цветы к главному обелиску и зажги свечу. А потом почти своим присутствием братскую могилу, где ныне покоится прах моей мамы Елизаветы Кирилловны и останки наших братьев по концлагерю «АФА».

Захоронение находится в блоке № 40, ряд 13, могила 133. На памятном камне из гранита ты прочитаешь по-немецки: «Здесь покоятся более 400 жертв бомбардировок 1944-1945» Мир их праху!

С середины 1990-х годов я принимаю участие в деятельности Петербургского регионального объединения бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей «Союз». «Союз» проделал большую работу по реабилитации мальчиков и девочек, оказавшихся судьбами войны на оккупированной территории нашей Родины, попавших в немецкие концлагеря и даже концлагеря Европы.

Негласно на них лежало пятно подозрительности и недоверия. Достаточно, чтобы в их анкетах числилась «оккупация, пребывание за границей», как под разными предлогами, а то и вполне открыто, их не принимали в ведущие ВУЗы страны, в военно-морские, мореходные училища, даже речные. Сколько судеб было испорчено, сколько характеров изломано.

Когда я пришёл в «Союз», то ничем не мог подтвердить своё пребывание в лагере «АФА»: все документы по этому поводу у нас были изъяты, проверочно-фильтрационным пунктом в Кишинёве.

Друзья советовали: «Боря, спеши, архивы КГБ жгут документы, будет поздно. Я написал в Кишинёв, Новороссийск, Владикавказ. Отовсюду получил отрицательный ответ. На Литейном мне сказали -чего Вы беспокоитесь, Вы не враг народа и естественно на Вас документов, компрометирующих Вас, нет.

Только через архив в Арользене (Западная Германия), я получил исчерпывающие сведения, подтверждавшие моё пребывание в концлагере «АФА». Я даже узнал день нашего побега. Это было 17 марта 1945 года. Мне был присвоен статус бывшего несовершеннолетнего узника фашистских концлагерей. Нас наградили юбилейными медалями Победы в Великой Отечественной войне.

Но особенно нас тронуло право пройти в День Победы по Невскому проспекту в рядах ветеранов Великой Отечественной войны. Мы шли от Литовского проспекта к Невскому с транспарантом, на котором было написано: «Бывшие несовершеннолетние узники фашистских концлагерей». Вы себе представить не можете, как мы были тронуты встречей горожан, стоявших плотной стеной на тротуарах по обе стороны Невского до Дворцовой площади. Нашей колонне аплодировали и взрослые, дети и юноши, девушки. Дети срывались со своих мест, бросались к нам с цветами. Мои глаза застилали слёзы.

Это было первое в моей жизни общественное признание трагедии, которую мы пережили в оккупации и концлагерях. Почему же это стало возможным именно в Питере? Я уверен, что жители города, пережившие дни блокады, в большей степени нежели кто другой способны к сопереживанию трагедии соотечественников, оказавшихся за проволокой фашистских концлагерей.

Ведь до этого наша власть, в лучшем случае, предпочитала помалкивать... Ни маленькая, ни большая ни разу нас не спросила - а как Вы, мальчики и девочки выжили, в стане врага?

Заслугой активистов нашего «Союза» явилось установление памятника жертвам фашистских концлагерей. Была идея, чтобы памятник возвести в честь несовершеннолетних узников. Но мы единогласно пришли к справедливому мнению: памятник должен стать всеобщим - для взрослых гражданских, наших военнопленных и несовершеннолетних узников.

От закладного камня и до открытия памятника прошли долгие семь лет.

Памятник решено было открыть в Красном Селе, ныне это окраина Санкт-Петербурга. Почему именно там? Дело в том, что именно здесь немцы в годы

оккупации устроили в 1943 году три концлагеря эти застенки заработали как перевалочные пункты в концлагере Прибалтики и Германии.

Памятник создан молодой выпускницей Института живописи скульптуры и архитектуры имени Репина Марией Игоревной Третьяковой и архитектором Вячеславом Бухаевым.

Памятник представляет собой гранитную стеллу, высотой в три метра, сложенную из трёх гранитных блоков, швы которых выполнены в виде колючей проволоки. В центре монумента - фигура измождённого подростка на фоне рельефных теней, заключённых фашистских концлагерей, и надпись: «Не забывают нас».

Памятник символически разрывает жизнь заключённых на три части: довоенное время, ужас немецких концлагерей и часто для освобождённых пленных отсидка в сталинских в Сибири.

11 апреля 2009 года при большом стечении бывших узников фашистских концлагерей, прибывших из Санкт-Петербурга, узников Ленинградской области с соблюдением государственного ритуала и всех положенных воинских почестей памятник был открыт. Сотни людей, жителей Красного села, Ветеранов Великой Отечественной войны, узников фашистских концлагерей живой рекой шли к памятнику, клали к подножию гвоздики, любовно гладили камень памятника, плакали...

Я подошёл к Маше Третьяковой низко поклонился и поцеловал упругую и жёсткую руку скульптора.

Завет мамы служить народу я выполнил. С книгой в руках через всю свою жизнь я прошёл по ниве народного просвещения. Только Богу известно, сколько мне довелось подписать выпускных Свидетельств и Аттестатов об образовании.

Воспоминания записала и оформила

Кристина Боткина

2012г